

The book cover features a dark, atmospheric forest scene with tall trees and a misty or smoky atmosphere. In the foreground, a dark, hooded figure is bound with thick, light-colored ropes. The text is overlaid on the image in a stylized, hand-drawn font. The author's name is at the top, the title is in the middle, and the series name is at the bottom.

ДЖЕЙМС
ДАШНЕР

ДОМ
БЕЗГЛАСИЯ

Джеймс Дэшнер Дом Безгласия

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69008905
ISBN 978-5-17-150384-0

Аннотация

1989 год, небольшой городок в штате Южная Каролина. Вокруг на много миль тянутся плантации табака, хлопка и кукурузы, густые заросли смешанных лесов и топи бескрайних болот.

И в этой глуши, где самыми крупными событиями считаются поиски заблудившейся в болоте коровы или замена рессоры трактора, подростки Дэвид и Андреа, гуляющие в лесу, вдруг натываются на местного жителя, который сидит на корточках перед безжизненным телом и отпиливает голову. Страх охватывает городок, полиция патрулирует улицы, но спустя несколько дней происходит еще более вопиющее преступление, на сей раз напрямую касающееся Дэвида.

2017 год. Дэвид привозит своих детей на семейную ферму к бабушке с дедушкой, из шумного города в благословенную глушь. И вдруг кровавый кошмар, казалось бы похороненный много лет

назад, заходит на новый виток – и на сей раз мишенью маньяка выбран сын Дэвида.

Некоторые тайны настолько страшны, что, даже будучи погребенными, не желают оставаться под землей...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	19
Глава 4	45
Глава 5	69
Глава 6	84
Глава 7	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Джеймс Дэшнер

Дом Безгласия

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

James Dashner

HOUSE OF TONGUES

Перевод с английского С. Селифоновой

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Corvisiero Literary Agency.

The moral rights of the author have been asserted.

© James Dashner, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Школа перевода
В. Баканова

* * *

«Проснувшись в сон, я мыслил в этом сне.»

Учусь в пути, и цель понятна мне»¹.
Теодор Рётке

*«Уста праведника источают мудрость, а язык
зловредный отсеется».*
Притчи 10:31

¹ Перевод Юнны Мориц.

Пролог

Я старый человек.

Во всяком случае, так утверждают мои дети. Если быть честным с самим собой, да и с вами – а я в душе поклялся быть честным, решив поведать свою историю, – они не только утверждают, но и искренне верят в это. Они действительно думают, что я стар. Что я нахожусь на расстоянии двойного чизбургера от инфаркта, который отправит меня, их родителя, в сырую могилу. Несмышленыши. Я не стар. Мне сорок четыре года. До сих пор поднимаются в воздух самолеты, которые старше меня. Дайте дотянуть хотя бы до пятидесяти, прежде чем звать coronera, заставив его покинуть насиженный диван в душном кабинете. Может быть, даже до семидесяти или восьмидесяти. А вот девяностолетним себя не представляю, и не настаивайте.

Но. Но!

Ощущаю ли я себя старым? Вопрос совершенно иной.

Да, ощущаю. Я так же стар, как орех pekan, уничтоженный ураганом «Хьюго», выдернутый из благословенной, покрытой зеленью почвы на дворе у родительского дома, – а ведь это событие я счел бы невозможным, если бы не видел своими глазами. С какой невыносимой тоской я глядел на перекрученные мотки корней, похожие на длинные белые пальцы в комьях грязи, вырванные из теплого дома, куда им уже

не вернуться, поскольку всему дереву суждено пойти на дрова и больше не принести урожая. Я мог бы подробно остановиться на этом, и наверняка мое повествование было бы занимательным, однако пора перейти к своей истории.

Да, к моей истории. В наших лесах всегда найдется история, достойная того, чтобы ее рассказали.

Вам предстоит выслушать мою.

В ней не будет ни обмана, ни лжи. Так что позвольте сразу сказать: многие считают меня убийцей. Хуже того, монстром. Монстром столь отвратительным, каких до сих пор не видел мир. Звучит несколько мелодраматично, сознаюсь, однако я воспринимаю ситуацию именно так. Представьте, что о вас говорят нечто подобное. Как бы вы себя чувствовали?

И что мне остается, кроме того, чтобы поведать вам правду?

Предупреждаю честно, история мрачная. Вы можете в нее и вовсе не поверить – сердце будет твердить, что на свете не существует такого зла. Я не обвиню вас. Черт, да если бы я сам не пережил то, чем хочу поделиться, если бы я не видел это своими глазами, я и сам вряд ли поверил бы, как не поверил бы в погибший орешник с сохнувшими корнями. Нет ни одного мгновения, когда я не желал бы, чтобы моя история оказалась выдумкой, мороком, который наслал на меня какой-то чародей и который день за днем и ночь за ночью оживает на задворках разума.

Увы, это правда, только правда и ничего кроме правды,

как говорят адвокаты. Меня успокаивает то, что я начинаю рассказ с предельной откровенностью, сознаваясь перед вами в том, что меня более всего ранит – в том, что люди считают меня монстром. Единственное возражение: в глубине души (как выразился бы Диккенс) мне известно – на самом деле я не убийца и тем более не монстр.

Итак, позвольте начать. История состоит из двух частей, в равной мере значимых. Я был подростком, когда тот ужас начался; а когда он вернулся, сам стал родителем. Обещаю рассказать все без утайки.

И вы, неведомый читатель, выступите моим окончательным судьей.

Глава 1

Самтер, Южная Каролина

17 декабря 1979 года

Мне 7 лет

В воздухе пахло Рождеством.

Я ощущал его едва ли не физически, когда ледяной ветер подхватывал пыль, заставляя ее танцевать в дренажных канавах на Мэйн-стрит, и пронизывал меня до костей, вызывая такую же дрожь, что и в предвкушении встречи с самим Санта Клаусом – он дал посидеть у себя на коленях всего несколько минут назад. (И неважно, что тот Санта Клаус работал неполный день в автомагазине Броддома и от него пахивало джином.)

Я просил всегда об одном и том же подарке, полагая, что если не буду клянчить всякую ерунду, то шансы увеличатся. Предметом моих чаяний был трактор из коллекции «Тонка», недавно выпущенная модель: полноценный бульдозер в комплекте с самосвалом. Разумеется, я вполне осознавал, что это сразу две игрушки, однако надеялся, что старик Санта посчитает их за одну; они же идут в паре! Может, от усталости и не заметит.

– Говоришь, «Тонка»? – добродушно гнусавил он, подбрасывая меня на своем полном бедре. – Знатный подарок для

мальчугана твоего возраста. Думаешь, старые ушлые эльфы с Северного полюса сумеют его сварганить?

Он улыбнулся, показав желтые – особенно по контрасту с фальшивой белой бородой – зубы.

– Да, сэр, думаю, сумеют, – ответил я, старательно демонстрируя всю уверенность, на которую был способен ради столь желанного результата.

– Ну что ж, – ответил Санта. – Нужно набраться терпения и подождать. А пока постарайся быть хорошим мальчиком, радовать маму и папу. Таких добрых людей, как они, я в жизни не встречал. Передавай им привет от старого Джеффри.

Я рассмеялся, найдя жутко забавным, что старик Броддон даже не потрудился притвориться «тем самым волшебником». Дети прекрасно знают, что у Санты куча помощников по всему миру. Так что открытие не подвергло сомнению мою веру, радость была безмерной и непосредственной. Если бы только я мог заморозить во времени вселенную и остановить свое неминуемое взросление!.. Уподобиться насекомому в куске янтаря.

Несколько минут спустя я стоял на тротуаре под вывеской аптеки «Рексолл», обхватив себя руками и стараясь извлечь хоть немного тепла из холодного разреженного воздуха. С минуты на минуту придет папа; он отправился на рынок продать пару тюков сушеного табака, оставшихся с прошлогоднего урожая. В любой другой день я упробил бы папу взять меня с собой, послушать выкрики аукционистов – они

сыплют словами быстрее, чем когда проигрываешь пластинки на слишком высокой скорости. Но тогда я скорее всего упустил бы шанс поговорить с Сантой. (Ну ладно, с помощником Санты).

На Мэйн-стрит свернула большая машина, и я шагнул вперед, прежде чем увидел, что это не папин грузовик. Огромный автомобиль – черный, запыленный, побитый. И вообще не грузовик, а катафалк – ужасная большая машина, которая перевозит ужасные маленькие вещи – с надписью на боковой дверце «Похоронное бюро Уиттакера». Собственно, после десяти или двадцати лет нещадной эксплуатации надпись почти не читалась. Сохранились лишь несколько букв и логотип – изображение церковной колокольни, переплетенное с одной из букв «О» в слове «Похоронное». Впрочем, неважно, читалась надпись или нет – все равно это был единственный транспорт в городе, где возили мертвых людей, а за рулем заезженного катафалка мог сидеть лишь один человек.

Машина с грохотом неслась вдоль проезжей части, изрыгая из себя ядовитые выхлопные газы. Сквозь пыльные окна кабины я не различал водителя, однако точно знал, что это Коротышка Гаскинс², мастер на все руки, когда дело касалось недавно усопших. Просто находка для Уита Уиттакера!

² Дональд Генри Гаскинс по прозвищу Коротышка – реальное лицо, один из самых жестоких серийных убийц в истории США. Казнен в 1991 году. (Впрочем, персонаж данной книги скорее его альтернативная версия.) *Здесь и далее прим. перев.*

Коротышка предоставлял все услуги: он перевозил усопших, обмывал усопших, бальзамировал усопших, обряжал усопших и хоронил усопших. В городе шутили, что Коротышка Гаскинс выроет могилу быстрее, чем Парсон Финчер прочтет заупокойную молитву. Я не уверен в этом полностью, однако преподобному пришлось бы поднапрячься.

Катафалк, накрываясь, подрулил к тротуару и остановился футах в двадцати от меня. Мотор взревел и затих, напоследок извергнув из себя очередь щелчков. Автомобиль виделся мне драконом, который устраивается на отдых после долгого дня, проведенного в охоте за овцами и принцессами. Я ничуть не стыжусь признать, что в тот момент содрогнулся от озноба, слишком сильного даже для студеного зимнего дня. Дверца распахнулась, и на долю секунды я поверил, что сейчас и в самом деле появится дракон – блестящая красная чешуя, открытая пасть, полная острых зубов, желтые глаза-щелочки... И у меня словно гора с плеч свалилась, когда из кабины выскочил Коротышка Гаскинс. Папа всегда подшучивал над его малым ростом: говорил, что он потеряется в пшеничном поле, даже если встанет на цыпочки.

– Как дела, шкет? – окликнул Коротышка, заметив меня под аптечной вывеской. Тощий – кожа да кости, голова наполовину лысая, оставшиеся жидкие пряди неряшливо свисают почти до плеч. И всегда чисто выбрит, будто стремится выставить напоказ отметины от юношеских угрей. Может, считает их чем-то вроде боевых шрамов? Глаза добрые –

единственное его достоинство, – вот только находятся словно бы не на своем месте.

– Очень хорошо, сэр, – ответил я, все еще дрожа от патологического холода, который Коротышка привез на своем транспорте. Я вытянул шею, высматривая папин грузовик – вдруг он сейчас магическим образом появится из-за катафалка?

– Где твоя мама? В универмаг пошла? Не очень-то разумно стоять на улице, малец. Можешь простудиться и умереть. Да простят меня за крамольную мысль, однако при этих словах в глазах мужчины вспыхнула искра.

Возможно, на этой неделе бизнес шел вяло, и Коротышке хотелось развеять скуку.

– Я вообще-то жду папу, – ответил я и поспешно добавил: – Он вот-вот будет здесь. В любой момент. – Я в очередной раз бросил взгляд вдоль улицы.

– В любой момент, говоришь? Наверное, он у тебя самый лучший папа на свете. – Коротышка сплюнул на тротуар. – Ну, бывай. А мне надо купить кое-что.

Он подошел к задней части катафалка и повернул ручку. Раздался щелчок, и дверь, печально скрипнув петлями, открылась. Я вздрогнул, уверенный, что сейчас из фургона появится разбуженный покойник. Гаскинс нырнул в салон по плечи, извлек какой-то предмет и с шумом закрыл дверь. Эхо, подхваченное ветром, понеслось вдоль улицы.

Я ничуть не удивился, увидев, что Гаскинс сжимает в ру-

ках растрескавшийся черенок своей верной лопаты. Весь город знал – Коротышка повсюду носил с собой дедовскую лопату, как некий талисман; он часто использовал ее в качестве импровизированной трости. Кладбище находилось в добрых пяти милях, однако Гаскинс все равно держал инструмент при себе. Я могу поклясться могилами своих предков, что однажды видел его в церкви с лопатой на коленях.

Коротышка вскинул инструмент на плечо, совком назад. Металл заржавел, на зазубренных краях лопаты налипли комья грязи чуть ли не с прошлого столетия. Люди поговаривали, этой лопатой копали могилы для солдат Гражданской войны. (Надеюсь, их опустили туда мертвыми).

Наконец – наконец! – папин грузовик вырулил из-за поворота. Ощувив внезапный и необъяснимый приступ храбрости, я задал вопрос, который потом мучил меня полжизни, даже десятки лет спустя, после того как полицейские извлекли трупы из Трясины – некоторые с головами, а некоторые и без.

– Пойдите! – выпалил я, когда Коротышка уже удалился от меня футов на пять и весело вышагивал вдоль по улице в направлении своего неведомого «шопинга».

– Чего тебе, малец? – отозвался он и замедлил шаг, перехватив лопату обеими руками, чтобы не соскользнула с плеча.

– Зачем вы повсюду таскаете с собой эту штуку? Даже когда не на работе?

Гаскинс пару раз мотнул головой – подыскивал в уме идеальный ответ. И наконец ощерился в ухмылке, которую можно было оценить примерно на девять и шесть десятых по десятибалльной шкале ужаса.

– Затем, сынок, что везде можно наткнуться на тело, которое требуется похоронить.

И удалился, покачивая лопатой.

Глава 2

Линчберг, Южная Каролина

Март 1989 года

Мне 16 лет

Время текло, как ему и положено; текло подобно реке, где моя жизнь была всего лишь листком, который плыл по течению, – я всегда знал, в каком направлении мне двигаться, но не имел представления, где закончу свой путь. Когда мне исполнилось шестнадцать, за короткий отрезок времени на ферме моих родителей все кардинально изменилось. Мои старшие братья и сестры все свое детство собирали табак, высушивали табак и увязывали табак в тюки; их руки постоянно были испачканы черной липкой смолой – сущее наказание, табак невозможно отмыть, какую убойную химию ни используй, – а вот мой мир стал совершенно другим.

Когда мне исполнилось десять, папа решил сдать в аренду большую часть земли – ему взбрело в голову, что он слишком стар для фермерства. Пусть другие пашут, а он будет за ними наблюдать. Само собой, наши доходы снизились. Однако мой папа был из тех, кому много не надо. Бедная мама...

Но тут я прервусь.

Потому что делаю все неправильно.

Начинать нужно не отсюда.

Да, историю моего отрочества нужно поведать, и я ее поведаю – потому что история без правильного начала никому не нужна, тем более теперь, когда она подходит к концу. Но как изложить некоторые факты и как навязывать вам значение событий, не представив главных героев, перед которыми однажды предстанут эти ужасы? Как же без них?

Как же без них, без самых главных для меня на свете людей? Ведь без них моя жестокая история – всего лишь пустая оболочка.

Я говорю, разумеется, о своих детях.

Глава 3

Автострада I-20

Июль 2017

Мне 44 года

1

– Папа! Уэсли опять меня локтем толкнул!

Я вел машину; автострада простиралась впереди подобно широкой каменной реке, а в зеркале заднего вида одна за другой таяли линии дорожной разметки. Шуршание шин по асфальту напоминало монотонное пение фантастического морского существа, застрявшее на одной ноте, и я на миг закрыл глаза. Затем сделал глубокий вдох и выпустил из себя воздух. Снова открыл глаза. Дорога не изменилась; за этот миг мы почти не приблизились к дому бабушки. Оставалось как минимум часа четыре.

– Папа!

Я опять сделал вдох. Прохладный воздух из кондиционера втягивался прямо мне в легкие и покидал их неохотно, как едкий наркотический туман. На сей раз я глаза не закрыл.

– Что такое, Мейсон?

Тоненький голосок сына – порой настолько нежный, что ранил мне сердце, буквально рвал его на части от любви, – сейчас напоминал визг чертенка.

– Уэсли опять толкается! Он меня уже достал!

В мире есть люди – возможно, мой читатель, вы тоже в их числе, – которые считают тупым клише все эти «он меня толкнул». Пусть ничего из моего рассказа вы не примете всерьез, но имеется один достоверный факт, достоверный, как сила тяжести, как то, что Земля круглая, а Луна ее спутник: если у вас есть дети и они сядут рядышком, то один ребенок непременно начнет толкать другого, вследствие чего обиженное чадо будет уверять взрослых, что его или ее раздражают вышеупомянутые действия.

– Уэсли, – сказал я, стараясь сдержать уже собственное раздражение, – пожалуйста, прекрати толкать младшего брата.

Я посмотрел на Уэсли в зеркале – шестнадцать лет, светлые волосы падают на глаза, в которых таится мудрость шестидесятилетнего старика. Он ответил улыбкой, скрывавшей в себе многое, – да, он просто поддразнивает Мейсона, да, он виноват, а еще ему скучно и он меня любит. В его улыбке сияли все краски мира.

– Хорошо, папа, – ответил он с непередаваемым сарказмом. – Я выполню твое разумное указание, если ты попросишь Мейсона, чтобы он любезно перестал отрыгивать после каждого съеденного ломтика чипсов. Меня от него тошнит.

– Я бы хотела добавить комментарий, – в разговор вмешалась Хейзел, которой не посчастливилось сидеть по другую сторону от несносного рыгающего Мейсона.

– Слушаю тебя, – ответил я с неподдельным интересом. Хейзел оседлала своего конька. В свои десять лет она обожала рассуждать как какой-нибудь профессор. Никогда не знаешь, что выдаст в следующую минуту. Я нашел дочь в зеркале – возможно, вы опасаетесь, что я не уделяю должного внимания дороге и в любой момент могу погубить своих детей, однако я уверяю вас, это не так, – и улыбнулся. Какая же она красавица! Темнокожая, с черными выющимися локонами – ни дать ни взять ангел! Вот вам еще одно клише; хотите, жалуйтесь. (Да, скажу сразу, мы ее удочерили. Все мои дети приемные, кроме Уэсли. Четвертый малыш, которого я еще не упомянул, спит на заднем сиденье. Его зовут Логан, как Росомаху из фильмов.)

Хейзел, выдержав торжественную паузу, на миг прижала к губам указательный палец и наконец выдала продуманный комментарий:

– Отрыжка Мейсона воняет. Полагаю, у него проблемы с желудочно-кишечным трактом. Мы должны обследовать Мейсона у опытного терапевта.

Две вещи, которые обожает Хейзел: употреблять слово «опытный» и называть врача терапевтом. Не забывайте, ей всего десять!

– Я соглашусь с велеречивой мадам из Атланты, – доба-

вил Уэсли, – парень воистину смердит. И если я не заблуждаюсь, с двух концов. – Он дразнил Хейзел, но дразнил с такой любовью, что у меня стало тепло на сердце. – Остается надеяться, что терапевт не вынет его внутренности.

После столь неутешительного прогноза Мейсон предсказуемо разразился слезами. Затем плач перешел в рев, да такой, что у меня заложило уши. Впрочем, в семь лет плакать простительно. Логану, про которого не стоит забывать, четыре года; мы до сих пор привязываем его ремнями к детскому сиденью, хотя сын считает позорным лишать свободы такого большого мальчика. Как вы уже могли догадаться, мы с женой после нескольких лет неудачных попыток сумели произвести на свет естественным путем лишь одного ребенка, Уэсли (хотя и старались изо всех сил). А чего мы с моей любимой хотели больше всего на свете, так это большую семью, как у наших родителей. И мы пошли по пути усыновления, собирая детей по всему миру – Африка, Китай, Детройт. Именно в таком порядке.

Моей жены не было в машине; она не слышала ни отрывков, ни жалоб, ни умничания, и по очень печальной причине. Она умерла за два года до нашей сегодняшней поездки. Находилась в служебной командировке в далеком Сингапуре и погибла при очень подозрительных обстоятельствах. Впрочем, эту историю я поведаю в другой раз. Я рассказал бы больше, однако у нас была такая любовь, которая кажется слишком сильной, чтобы в нее поверили. Так что в сле-

дующий раз. Только представьте, как мучительно мне ее не хватает.

Итак, Хейзел рекомендовала призвать на помощь медицинских светил, а Уэсли ее поддержал.

– Вот что, ребята, – объявил я. Мейсон, к моей радости, умолк и захлюпал носом. – Давайте заключим соглашение. Мейсон, тебе разрешается отрыгивать один раз, после того как доешь пакетик чипсов полностью. Хейзел, при очередной диспансеризации я обещаю проконсультироваться с доктором, вернее, с *терапевтом*, по поводу желудочно-кишечных проблем Мейсона. Уэсли, я позволю тебе сесть за руль после следующей остановки, если ты прекратишь толкать брата. Договорились?

Я по очереди посмотрел каждому из детей в глаза при помощи зеркала – повторяю еще раз, во время этого необходимого ритуала все мое внимание было приковано к дороге, – и каждый из них кивнул. Изо всех троих наиболее удовлетворенным казался Уэсли.

Спустя примерно семь секунд Логан – вы помните, что ему четыре года и он зафиксирован в детском кресле? – проснулся и заявил, непостижимо радостным голосом, что написал в штанишки.

Я сделал глубокий вдох. Затем выдохнул.

И посмотрел на дорогу.

Спустя две заправки, одно переодевание, набег на дешёвую закусочную, где можно было затариться, не выходя из машины, десяток бессмысленных и все же порой забавных перепалок и одну глубоко философскую дискуссию с Уэсли по поводу смешивания религий и рас в анализе фанатизма, мы прибыли в бабушкин дом. Понятия не имею, почему дедушка позволял себя так игнорировать, однако дом, где я вырос, всегда ассоциировался исключительно с местом жительства бабушки. В детстве я называл родителей «папа и мама», что постепенно сократилось до «па» и «ма». Как же много имен у простых добрых людей!

Родители жили в прямом смысле в глухомани; их владения тянулись параллельно узкой пыльной дороге – официально она называлась «Мощеная Дорога», – пронзающей фермерские хозяйства Линчберга, штат Южная Каролина. Самая длинная и прямая стрела на свете! Лето было в самом разгаре, воздух над асфальтом раскалился, бесконечная лента дорожного полотна мерцала от жары. Мы неслись мимо последовательно сменявших друг друга сельскохозяйственных культур. Я никогда не уставал созерцать по пути домой эти чудеса – широкие листы табака, белые неровные шары хлопка, наполненные шипастыми семенами, непритязательные стебельки сои. Я приоткрыл окно, и снаружи тотчас хлы-

нули запахи земли, свежей зелени и перегноя, которые смешались в едином порыве, чтобы поприветствовать меня и заверить – я вернулся на родину.

Скоро по правую сторону от дороги показались веранда, кирпичная труба и белый сайдинг насчитывающей сто лет родительской фермы, и все мы на миг испытали благоговейный трепет. Мои дети боготворили этот дом и его обитателей так же сильно, как и я. В отличие от нормальных семей, экономивших каждый доллар, чтобы посетить потрясающе волшебные места, подобные Диснейленду или Нью-Йорк-Сити, мы ехали туда, куда стремились больше всего – к бабушке с дедушкой. В выходные, в летние каникулы, на Рождество. Там мы гостили у моих бесчисленных двоюродных братьев и сестер, дядей и тетей. Съедали горы еды и вспоминали произошедшие на ферме истории.

«То самое место, – думал я, сворачивая на подъездную дорожку, огибавшую передний двор, – то самое место, куда мы все стремились». Во всяком случае, я уверял себя в этом. Возможно, дети хотели увидеть Микки Мауса и просто шаждали мои чувства. Возможно, я виноват, что не показываю им большой мир. Вот почему в тот раз над родным домом нависла тень. Впрочем, эта тень не смогла уничтожить мою эйфорию. Даже мыслям о призраке деда Финчера на чердаке старого особняка – я собственными ушами слышал его шаги, клянусь Богом и всеми ангелами – не под силу омрачить мое приподнятое настроение! Вероятно – *вероятно!* – никакого

призрака не существовало, однако мы предпочитали думать, что он реален.

Я отбросил эти мысли прочь, когда на веранде появились родители, и за ними со скрипом захлопнулась москитная решетка. Папа махал нам худой морщинистой рукой; волосы и бакенбарды поседели, кожа высохла на солнце – хоть бейсбольные перчатки из нее делай. Мама улыбалась лучистой улыбкой, торопливо вытирая руки о фартук, чтобы тоже поприветствовать нас. Может, это стереотип, но единственная вещь, которую женщина любит больше, чем приготовление еды, – это приготовление еды на компанию. И никто в жизни не ел ничего более аппетитного, чем вкусняшки из маминой печи или духовки.

– Привет, коллеги! – воскликнул папа, когда я открыл водительскую дверь. Он всегда нас так называет при встрече. Я никогда не понимал, в шутку или нет. – Рад, что вы доехали целыми и невредимыми, и как раз вовремя. Судя по направлению ветра, с юга надвигается ураган.

Для папы прогноз погоды необходим, как воздух.

– Здравствуй, сынок! – Мама заключила меня в объятия, не дав разогнуться, и расцеловала в обе щеки.

Тут из машины высыпали дети, и начался истинный бедлам.

– Баба!

– Деда!

– Мейсон!

– Хейзел!

– Бабуля-дедуля!

– Уэсли!

– Дедушка!

– Бабушка!

– Где мой маленький Росомаха?

– Выпустите меня из этого дурацкого кресла!

Все принялись обниматься; кто-то споткнулся; папа растянул мышцу на спине; вроде бы кто-то украдкой смахнул слезинку или две, однако в суматохе я не запомнил, кто именно. Радость была через край; восхищение по поводу предстоящих недель наполнило воздух, почти как ожидание снега на Рождество. Черт возьми, мы снова у бабушки, а значит, в мире все хорошо.

– Выгружаем вещи, дети! – крикнул я, указывая руками в противоположных направлениях. Потом посмотрел на папу и внезапно замер. Я заметил в нем какую-то печаль; она промелькнула и тут же исчезла, однако мое приподнятое настроение дало трещину. Впрочем, папа всегда вел себя несколько загадочно, а порой даже впадал в хандру.

Дети хватали сумки из багажника, пиная друг друга; кто-то вопил.

– Как доехали? – спросила мама.

– Без особых приключений. – Я уже позабыл всякие незначительные подозрения. – Мейсону могут понадобиться таблетки от газов. – Все четверо захихикали, и Мейсон в

особенности.

– Уэсли, расскажи о своих планах, – обратилась мама к старшему. Остальные демонстративно запыхтели – как бы от напряжения, от того, что втаскивали тяжелые вещи на веранду.

– Да мне особо не о чем рассказывать, бабушка, – пожал плечами сын. Жест, усовершенствованный тинейджерами прошлых поколений и взятый на вооружение нынешними. – Учебный год кончился, и я успел соскучиться по друзьям. Сейчас предвкушаю веселые деньки. Жду не дождусь, когда смогу потусоваться с кузенами. И поглощать твою стряпню, пока не лопну.

Он всегда говорил с некоторой... *взрослостью*, что никогда не вводило меня в заблуждение.

Вот и у мамы в глазах мелькнула та же мысль.

– погоди, ты еще не пробовал мою новую запеканку. Просто пальчики оближешь.

– А как же правила хорошего тона? – парировал Уэсли. – Меня с детства учили пользоваться салфеткой.

Бабушка заставила себя рассмеяться – несколько несоразмерно качеству шутки.

Итак, мы прибыли.

Со вздохом, который заключал в себе миллион слов, я вошел в дом.

Ужин вышел таким, как и обещала мама. Не заметил, чтобы кто-то облизывал пальцы – я точно не облизывал, – но еда была выше всяческих похвал. Не знаю, то ли маме не нравилось убирать остатки еды в холодильник, то ли она решила превратить нас в слонов, однако на столе еще возвышались горы еды, а мы уже давно сидели, откинувшись на спинки стульев, и страдальчески поглаживали животы. Я был сыт по горло еще минут за двадцать до того, как закончил есть.

Но еще чуть раньше, в процессе переноса мяса, овощей и выпечки с подносов и блюд на тарелки, далее в рот и наконец в желудок, Хейзел замерла с нагруженной вилкой и заявила, громко и отчетливо:

– Дедушка, будь так добр, расскажи нам какую-нибудь историю из былых времен! – тон и слова вполне соответствовали бы любой знакомой мне взрослой женщине, никак не десятилетней девочке. – Только пожалуйста, правдивую историю.

– Да, – подключился Уэсли. – Расскажи нам о мертвом поросенке в ванне.

Я усмехнулся с полным ртом, догадываясь, что имел в виду сын. Все не настолько жутко, как звучит.

– Ты о барбекю? – спросил папа. Он всегда готов плести всякие небылицы для внуков. Вот и сейчас положил вилку

и откинулся на спинку стула, метнув задумчивый взгляд из-под нахмуренных бровей. Прежнее уныние разом испарилось. – Славные были времена. В этот дом и в этот двор набивалось больше людей, чем муравьев в муравейник. И вот мы пошли в свинарник, выбрали самого жирного бора, подвесили его на ремнях, достали большой зазубренный нож...

Мама перегнулась через стол и похлопала отца по плечу:

– Дорогой, может, опустим наиболее ужасные подробности?

– НЕТ!

Никогда до сих пор не слышал, чтобы мои дети выражались настолько однозначно, да еще и в унисон!

– Непременно расскажи нам ужасные подробности. – Уэсли бросил на бабушку виноватый взгляд, словно говоря «уж прости меня». – Кровь, кишки, внутренности и все прочее.

– Да! – повторил Мейсон.

– Кровавые кишки! – завопил Логан.

Папа расплылся в улыбке, «довольный, как Панч³», как он любил выражаться.

– Что ж, только позвольте сказать, что мы подошли к делу серьезно, а лично я предпочитал все делать быстро. Я любил своих свиней и никогда не причинил бы им вреда, но чем тогда прикажете кормить детей? А в тот день нам пришлось угощать прокля... э-э... прорву родни. И да, от крови и кишок никуда не денешься. К тому времени, когда несчастно-

³ Персонаж кукольного театра.

го борова отправили в печь, на мне не осталось ни дюйма, который не был бы загваздан.

– А какое отношение ко всему этому имеет ванна? – спросила Хейзел. С таким же невинным лицом, как в тот день, когда мы ее удочерили.

– Старая чугунная ванна, в которой мылся еще отец вашей бабушки? – Папа имел в виду деда Финчера, чей призрак обитал на чердаке; факт, который никто всерьез не оспаривал. – Ее хранили в сарае, на всякий случай. Идеальная вещь для разделки свиньи, даже сток имеется. Обратите внимание, все происходило на крыльце. – Папа развернулся на стуле и махнул рукой в сторону задней двери, ведущей к месту умерщвления борова. – Да. Прямо там. Дети мои, я надеюсь, вам никогда не придется услышать визг забиваемой свиньи.

– Ну ладно, хватит, – заявила мама. – Покончим с историей про ванну. Кому еще свиной запеканки?

Все в унисон затрясли головами, кое-кто беззвучно промямлил «нет, спасибо». Я пожал плечами и вежливо смирился с очередной добавкой. В конце концов все сдались и позволили наполнить тарелки; скоро наступил вышеупомянутый момент – мы сидели, откинувшись на спинки стульев и поглаживая животы, твердо уверенные, что больше никогда, никогда в жизни не ощутим голода.

– Бабушка, – предложил Уэсли, – тебе нужно вести кулинарное шоу на телевидении. Так вкусно готовишь, *просто ж... а слипается.*

Слово сорвалось с языка сына прежде, чем он понял, что сказал. Уэсли посмотрел на меня, и я в ответ посмотрел на него. Затем он перевел взгляд на бабушку, на дедушку, и они тоже посмотрели на него. Хейзел разинула рот, так что он напоминал пещеру. Мейсон не донес до рта картофельное пюре с подливой, и оно шлепнулось обратно на тарелку. Логан рассеянно выковыривал что-то из носа – или, наоборот, что-то туда запихивал.

Мама усмехнулась, стараясь сгладить неловкость. Папа мотнул головой, пряча ухмылку. Уэсли покраснел и забормотал:

– Прошу прощения. Я хотел сказать «попа слипается», но решил, этого недостаточно, чтобы воздать должное бабушкиному ужину.

Несколько секунд мы сидели, обдумывая столь невнятное объяснение.

Папа снова мотнул головой, пробурчал что-то примирительно, а затем встал и начал собирать со стола посуду. Все немедленно бросились помогать.

Пока мы с Уэсли несли на кухню стопки тарелок, я накинулся на него.

– Перед моими родителями! Как это понимать?

Я просто не придумал, какую выволочку устроить сыну, чтобы не прослыть старым ворчуном.

– Да ладно тебе, пап. Наш дедушка фермер. Ты считаешь, он не употребляет всякие такие слова? Допустим, если его...

укусила корова?

– Корова? Укусила?

– Ну, не знаю. Или трактор переехал цыпленка. Или еще что-то в этом роде.

Я тяжело вздохнул.

– Ты меня разочаровал.

Уэсли стряхнул тарелки над раковиной и отправил в посудомойку.

– Наверное, мне нужно почаще играть на телефоне в ферму.

– Дважды разочаровал.

– Или бросить школу и стать фермером.

– Пожалуйста, прекрати.

И тут в дверь позвонили. Все разом посмотрели вверх, словно ожидали, что с визитом явится сам Господь Бог.

– Наверное, тетя Эвелин, – предположила мама.

Все любили мою сестру – не меньше, чем мамины вкусности, – и потому разом бросились открывать. Даже стул опрокинули.

4

Нет, это оказалась не тетя Эвелин.

Папа открыл дверь. Я стоял за его плечом и сквозь стекло и москитную решетку увидел незнакомого человека. Петли издали резкий скрипучий звук, дверь распахнулась пол-

ностью. Гость отступил от порога, позволив лучше рассмотреть себя. Явно весь на нервах – все мышцы и загорелая кожа напряжены; стоит, потупившись, словно явился сознаться в ужасных прегрешениях.

– Я могу вам помочь? – спросил папа.

Незнакомец потоптался на месте, по-прежнему не поднимая глаз и перебирая кончиками пальцев, будто играл на музыкальном инструменте. На вид лет тридцать пять, возможно, ближе к сорока. Точнее сложно определить – лицо и шея мужчины терялись в кустистой бороде. Русые волосы были тщательно зачесаны на одну сторону и щедро смазаны маслом, так что голова сияла, словно бронзовая.

– Сэр? – папина интонация сменилась на решительную. Он давал визитеру понять, чтобы тот поскорее объяснил причину своего присутствия здесь, иначе ему грозят неприятности.

Мужчина наконец поднял взгляд. Таких темных глаз я еще не видел. Белки влажные, лицо отекло – он недавно плакал?

– Я... простите меня, – забормотал он. – Я никому не причиню вреда. Никому, сэр.

– А что, черт побери, вы делаете на моей веранде? – папин голос звенел предчувствием беды; оно повисло в воздухе, как заплесневелые портьеры. – Или мне вызвать полицию? – Он слегка толкнул меня локтем, словно намекая позвонить или хотя бы достать телефон и сделать вид, что зво-

ню. Я послушно засветил экран.

– Нет, сэръ! Пожалуйста! – взмолился незнакомец. – Я никому не причиню вреда. Я сам тот, кого обидели! – выкрикнул он с такой серьезностью, что на шее вздулись жилы, а борода затряслась. – Пожалуйста, мне просто нужно... кое о чем позаботиться. У меня нет оружия – можете проверить.

Отец повернулся ко мне. Некоторое время спустя я понял бы выражение его лица лучше. Сожаление, почти мольба, но к тому же и изрядная доля неискренности, словно у нанятого за деньги бездарного актера.

– Папа, ты же видишь... – начал я, однако что-то – дрожь его губ, наморщенный лоб, взгляд, в котором читалось нечто невысказанное и слишком личное, чтобы произносить вслух, – меня остановило. А если точнее, смутило. Я тяжело вздохнул и обратился к незнакомцу: – Что произошло? Нужно вызвать «Скорую»? Полицию? С вами случилась беда?

Мужчина затряс головой столь яростно, что я не удивился бы, отлети она в кусты.

– Нет, нет, у меня все хорошо, клянусь. Я здесь, чтобы сказать тебе несколько слов. Услышал, что ты в городе, и решил заскочить по пути, пока солнце не зашло.

Он сфокусировал на мне взгляд – настолько быстро и категорично, что я отступил назад. Глаза незнакомца прояснились; стоявший на пороге жалкий невменяемый бродяга внезапно исчез.

– Мне? – Я почувствовал себя глупо, будто вдруг поме-

нялся с ним ролями. – Я вас знаю?

– Ты... Ты знал моего отца.

Невозможно описать изменения, которые претерпел облик незнакомца в тот момент; а когда я распознал схожесть, меня поразила еще большая трансформация. Словно с его бледного лица, да и с моего тоже, схлынули все цвета и магическим образом мутировали, обратившись в грозовые тучи, которые затмили все краски мира.

Я открыл рот, намереваясь что-то сказать, однако не помню, чтобы произнес хоть одно слово.

– Не суди меня, – произнес незнакомец, и перед ним замерцала почти видимая стена обороны. – Я не такой, как отец, и не унаследовал ничего, что сделало бы меня на него похожим. Грехи отцов и тому подобное – это все чушь собачья.

Человека, стоявшего передо мной у дверей дома, где еще моя бабушка родила мою маму, звали Дикки Гаскинс. В начале истории я уже упоминал его отца и свою случайную встречу с ним, когда я был простодушным ребенком, переполненным радостью от недавнего общения с фальшивым Санта Клаусом. То была наша первая встреча, и она же последняя, которую можно назвать приятной.

– Значит, ты сын Коротышки Гаскинса? – одними губами прошептал мой отец.

И опять его тон показался наигранным. Я заподозрил, что он хорошо знал визитера, однако из каких-то соображений

не хотел, чтобы я это понял.

Дикки кивнул, изо всех сил изображая смирение – наклонил голову, опустил плечи, лицемерно сцепил перед собой руки.

– Да, сэръ. И каждый день моей никчемной жизни я стараюсь искупить вину за это. Я не таков, как отец.

Наверное, ни один мой мускул не пошевелился в ходе столь длинного и мучительного признания. Рассказчик из меня неважный, иначе я изложил бы события должным образом, чтобы и вы ощутили охвативший меня смертельный ужас. Однако «в моем безумии есть система», как говорил Великий Бард⁴, и я взываю к вашему терпению, читатель. Достаточно упомянуть, что я не испытал бы большего страха и смятения, если бы сам Сатана со своими приспешниками ступил на землю моего отца.

– Убирайся отсюда к черту! – выкрикнул я, борясь с инстинктивным желанием как следует врезать отродью человека, ставшего источником моих бед. – Ни слова больше! Вон из дома моего отца!

Если кровь может кипеть от гнева, то моя уже выкипела и загустела. Я ощущал, как горит кожа на лице.

– Ты хотя бы меня выслушай, – настаивал Дикки Гаскинс. Я рывкнул на него, используя слова, которые мама запрещала произносить. Затем мной овладела какая-то одержи-

⁴ Уильям Шекспир. Имеется в виду отсылка к реплике Полония из трагедии «Гамлет».

мость, и я набросился на Дикки, схватил его за рубашку и потащил за собой. Не знаю, откуда взялись силы, – но я приподнял его и шмякнул о бетонный пол веранды. Я услышал, как воздух покидает его легкие. Родословная Дикки была ни при чем; неподдельный ужас, отразившийся на его лице, переключил во мне какой-то рычаг. Не знаю, почему, но я отвел назад руку, сжал ее в кулак и приготовился ударить в уязвимое лицо, так похожее на лицо Коротышки Гаскинса.

– Папа? – донесся справа нежный ангельский голосок.

Мой кулак завис где-то между Дикки и небом. Я обернулся; все четверо детей стояли рядом, наблюдая мой приступ ярости. Наверное, вышли через заднюю дверь и обежали во круг дома. Говорила Хейзел, причем крайне душераздирающим тоном, который верно передавал чувства всех. Даже Уэсли, к которому я часто относился так, словно он мудрее и старше меня, смутился, как маленький ребенок. Логан хныкал, размазывая слезы по щекам. Хотя я ожидал такое скорее от Мейсона.

Я вынырнул из транса. Бросил Дикки и, спотыкаясь, пятился назад, пока не уперся в стену. Папа так и стоял в дверях, неподвижно и молча.

– Простите меня, – прошептал я. Кажется, никто не слышал, даже дети, к которым я и обращался.

– Ничего страшного, – произнес Дикки, вставая на ноги и отряхиваясь. Он принял мои слова на свой счет. – А теперь позвольте приступить...

– Уходи! – выкрикнул я, на этот раз разозленный тем, что он заставил меня сорваться в присутствии детей. – Вон отсюда, чтобы я тебя здесь не видел! – Однако я смотрел не на него. Мои взгляд сфокусировался на Уэсли, который, в свою очередь, изучал меня – взглядом мудрой совы из детского фэнтези.

Я не знал, что говорить и что делать. Я не столько беспокоился за то, что Уэсли – в первую очередь он – стал свидетелем моей вспышки гнева, сколько за то, что придется объяснять, какая причина ее вызвала. В лице Дикки я увидел его отца, а в его отце видел все плохое, что когда-либо со мной случилось.

И теперь я стоял, тяжело дыша, словно после сотни приседаний. Дети ожидали услышать от меня какие-то слова, чтобы понять мою реакцию. Я подумывал избавить их от кошмарных подробностей, однако выбора не было, и открыл рот, не зная, с чего начать.

– Дети, послушайте...

Но я не успел. Дикки издал такой звук, словно его рвало. Я посмотрел на него в недоумении – сейчас со стыдом вспоминаю, что не ощущал никаких опасений, только нездоровое любопытство. Странный звук. Слишком неестественный для того, чтобы исходить из человеческого тела; любой сразу поймет – творится что-то страшное, смерть стучит в дверь, и без помощи врачей ее не удержать за порогом.

Дикки бился в конвульсиях, схватившись за шею обеими

руками. Глаза выпирали из орбит, лицо отекло и покраснело – а точнее, побагровело, – под кожей выступили сухожилия, похожие на струны. Он скорчился и наконец свалился с веранды, с высоты трех футов, и плюхнулся прямо в цветущую азалию. Из горла продолжали извергаться душераздирающие звуки.

– Черт, да сделайте же что-нибудь! – выкрикнул мой отец, всем и никому конкретно.

Дети сбились в кучу перед верандой, словно стайка волчат, сохраняя дистанцию, но не в силах не смотреть. В глазах плескался ужас, который, как я надеялся, никогда их не настигнет.

– Дэвид!

Папа наконец оттолкнулся от двери и направился туда, куда упал Дикки. Потребовалось назвать меня по имени, чтобы вырвать из транса, однако я двигался быстрее и первым достиг извивающегося на земле человека. Нырнул в куст азалии, оцарапался о колючки, опустил на колени, оцарапался еще больше и оценил ситуацию.

Наш визитер был в плачевном состоянии. Лицо превратилось в один чудовищный синяк и раздулось; казалось, достаточно ткнуть булавкой, и оно лопнет. Чудо, что глаза еще не вывалились из глазниц. Диагноз понятен и без врача – мужчина задыхался; еще немного, и он умрет прямо здесь в кустах. Однако я не мог предположить, какой предмет застрял у него в горле и перекрыл воздух.

– Папа, звони в «Скорую»! – Я растопырил руки в воздухе над Дикки, не имея понятия, что делать, Несчастный извивался и делал рвотные движения. Багровое, как маршмэллоу, лицо вот-вот лопнет, если это раньше не случится с глазами. Мужчина лежал на спине, уставившись в небо, словно ожидал ангелов, которые придут по его душу.

– Дикки, – произнес я, пытаюсь скрыть страх в голосе. – Замри на секунду. Мне нужно... – Я не знал, что нужно мне и что нужно ему. Ощупал его руки, по-прежнему обхватывавшие шею, затем грудь и участок лица вокруг широко открытого рта. Дикки затих; наверное, ему совсем худо. – Дикки! Я попробую прием Геймлиха⁵!

Можно подумать, объявление вслух о намерениях усилит мою способность исполнить их!

Упершись коленями в азалию, чтобы не упасть, я схватил Дикки за плечи, перевернул на бок, и далее на живот. Затем перешагнул через него и обхватил туловище, сцепив руки у него на животе. Ветки кустарника царапали меня. Я был более чем убежден, что мне не суметь поднять Дикки, тем не менее крепко сжал его и изо всех сил потянул вверх.

– Вставай! Дикки, вставай! – Я принялся работать руками, как насосом, ритмично вдавливая кулаки ему в живот, одновременно пытаюсь сам подняться на ноги. Если бы я трени-

⁵ Прием Геймлиха – процедура первой помощи при попадании посторонних предметов в дыхательные пути. Спасатель выполняет резкое нажатие на нижнюю часть диафрагмы.

ровался оказывать первую помощь, мои дети обхохотались бы – настолько нелепо выглядели попытки. – Дикки, оторви свой зад от земли!

Вероятно, где-то посреди напряженных позывов на рвоту и предсмертных корчей в мозгу у Дикки что-то замкнуло, потому что он услышал меня и сумел кое-как принять вертикальное положение. И когда мы уже стояли, я смог выполнять прием Геймлиха должным образом – миллион раз видел это в кино.

Однако прием не срабатывал.

Я вдавливал кулаки Дикки в живот, сжимал изо всех сил, приподнимал его тело. Он снова оседал, и я снова делал то же самое. Мы повторили этот бесполезный танец более десяти раз, и все безрезультатно. Дикки заметно ослаб, потому что его дыхательные пути были полностью заблокированы. Мужчина угасал прямо у меня на руках.

Кто-то толкнул меня в бок. Я с удивлением осознал, что костлявое плечо принадлежало моему сыну Уэсли. Он двинул меня достаточно сильно; я выронил Дикки, и тот снова упал – на сей раз шлепнувшись мимо куста, на траву. Глаза больше не вываливались из орбит.

– Папа, у него язык запал.

Наверное, я в жизни не слышал более нелепого набора слов. Во всяком случае, в критический момент фраза показала мне совершенно бессмысленной.

– А? – выдохнул я.

Уэсли не ждал ответа. Он опустился на землю, коснувшись коленями раздутой багровой щеки Дикки. Я изумленно наблюдал, как мой сын одной рукой сжал щеки несчастного – причем очень крепко, – а другой начал открывать ему рот. Вначале он встретил сопротивление, но затем рот легко распахнулся – словно мыльный пузырь лопнул. Уэсли полез в зияющую пасть рукой, которой до того сжимал лицо Дикки. Кисть погружалась все глубже и глубже. Уэсли прикусил нижнюю губу, отведя взгляд в сторону с выражением крайней сосредоточенности. И я даже на смертном одре буду утверждать, что рука погрузилась в тело по локоть.

– Есть! – воскликнул Уэсли. Он вынул руку изо рта Дикки и в изнеможении опустился на азалию. А вот Дикки задыхался – с усилием, но размеренно: вдох-выдох, словно раздувая мехи у себя внутри. Затем пришел черед кашля, судорожных хрипов и других неприятных звуков, которые и следовало ожидать от человека, который едва не умер, проглотив собственный язык.

Я находился достаточно близко, и увиденное повергло меня в шок. Все вокруг стало нереальным. Младшие дети плакали. Папа куда-то исчез. Воздух был *слишком* неподвижным. Что-то не так – словно материя во вселенной вернулась в состояние до сотворения мира.

В моем мозгу снова пронеслась цепочка событий. У нас на пороге появляется сын серийного убийцы, человека, причинившего мне больше вреда, чем все другие встретившие-

ся в жизни злодеи, вместе взятые. И этот сын убийцы заявляет, что пришел посмотреть на меня. А затем, без видимой причины, давится собственным языком. А мой сын, никогда до того не намекавший, что он знает, как спасти человека в столь плачевном состоянии, оказывает ему первую помощь.

Все это было странно само по себе, однако я должен сказать вам: тайна, которая за этим скрывалась – и частично просочилась наружу в эти страшные минуты, – касалась событий настолько трагических, что я не в состоянии описать их даже сейчас.

Поэтому сперва нам лучше вернуться в тот год, когда все началось.

Глава 4

Март 1989 года

Линчберг, Южная Каролина

Мне 16 лет

1

Все ужасы, случившиеся в моей жизни, проистекают из одного дня – когда мы с Андреа Льеренас отправились на прогулку в лес.

В тот день Андреа произнесла слова, которые разбили мне сердце. Я буквально ощутил боль в ушах, когда звуковая волна достигла слухового прохода. Слова хлестнули меня наотмашь и разрушили образ самой совершенной из всех девушек, когда-либо ходивших по земле.

– «Led Zeppeлин» ничуть не лучше остальных твоих хэйр-метал-групп.

Мы брели вдоль заброшенной железной дороги. Рельсы остались такими же прямыми, разве что слегка заржавели и износились от времени. Перед нами во всей красе раскинулись свидетельства конца зимы и наступления весны. Дубы, березы и клены оделись в зеленую листву, вернув себе превосходство над соснами, которые выстояли даже в холодные

месяцы. Подлесок вновь ожил; кустарники, вьющиеся растения и травы заполнили зимние пустоши, отчего лес стал выглядеть густым и веселым. Уже пробивались ранние цветы – местами красные и голубые, но в основном желтые. Воздух пах свежестью и вибрировал от неумолчного жужжания насекомых, которое создавало особый фон – тот, что в лесу считался своего рода тишиной.

Итак, я прогуливался среди этой красоты с девушкой, самой лучшей своей подругой, и чувствовал себя на пике счастья, пока она не произнесла те слова и не испортила мне настроение.

Я остановился на прогнившей шпале и попытался свести все к шутке.

– Постой. Кажется, у меня что-то со слухом. – Я засунул в ухо мизинец и начал вращать им, словно выковыривая серу. – Ты не могла такого сказать, я, наверное, ослышался. Но даже если и сказала, ты все равно не могла...

– Ну-у... – ответила Андреа. – «Poison», «Skid Row», «Guns 'N Roses», «Led Zeppelin» – все они одинаковые. А для меня «одинаковые» значит паршивые.

Я чуть не соскользнул со шпалы, словно ее намазали глиной. Обеими руками потер виски.

– Ты неправа как минимум по двум пунктам. Во-первых, каждая из этих групп потрясная. Только «Led Zeppelin» не имеет с ними ничего общего. Совершенно ничего. Это совсем другой уровень. То есть они потрясные, но... «Led

Zeppelin» потряснее.

– У них у всех длинные волосы?

– Да, но...

– И все они позорно одеваются?

– Да, но...

– И все играют посреди композиции жуткое соло на гитаре, которое никто не хочет слушать?

– Они разные. Все группы потрясные, а одна из них потряснее всех. Конец дискуссии.

– Против такого красноречия не попрешь. Не знаю, как еще с тобой спорить. – Она сложила руки и преувеличенно громко вздохнула, признавая поражение. – Разве что сказать, что все эти группы отстой.

– Конечно, куда им до Мадонны или Тиффани...

– Возьми свои слова обратно! Немедленно! – воскликнула Андреа и обвила руками мою шею. Дело, как всегда, закончилось несколькими поцелуями.

Как описать удовольствие от этих трех вещей – ее смеха, ее объятий, ее поцелуев? Я не из тех, кто теряет рассудок, когда дело касается любви, однако Андреа олицетворяла для меня счастье, была путеводной звездой в тумане и в сумраке, вечных спутниках отрочества. Если бы Андреа не присутствовала в моей жизни в последующие месяцы, я бы совершенно точно не выжил.

Она отступила на шаг, с сожалением уронив руки.

– Может, пойдем наконец искать тропинку?

– Если ты настаиваешь. – Я воспользовался моментом, чтобы полюбоваться ею. Каштановые волосы, смуглая кожа, четко очерченные скулы. А глаза... Темные, лучистые, бездонные окна в ее блестящий ум – вот что я любил в подруге больше всего. Впрочем, я любил ее всю.

– Почему ты так смотришь?

– Пытаюсь заглянуть тебе в душу. Что-то произошло, и заставило тебя утверждать, будто «Led Zeppelin» и «Poison» – одно и то же!

– Не спорь со мной. И хватит на тему отстойных групп!

Андреа развернулась и бросилась бежать, а я припустил за ней.

2

Как и большинство вещей на свете, проживание на ферме в Северной Каролине имело свои плюсы и минусы. Я не буду перечислять минусы, которые здесь присутствовали во множестве (повторяю, как и во всем другом), однако плюсы были просто чудесны. Никаких двенадцатиполосных шоссе, смога, гангстеров, трафика; другими словами, ничего из того, с чем сталкиваются жители больших городов. Наивно? Разумеется. Сейчас я понимаю, насколько был смешон, причем во многих отношениях. Но тогда нас все устраивало.

А самый большой плюс – абсолютный *простор*, в котором мы жили. Куда ни глянь, везде поля, леса и болота –

казалось, им нет конца. Мы с Андреа обожали исследовать окрестности; клянусь, даже если заниматься этим по десять часов ежедневно в течение десяти лет, то все равно в изобилии остались бы еще неизведанные чудеса. Скалы, скрытые под поверхностью болот и выступавшие наружу небольшими островками, о которых никто не знал. Заброшенные семейные кладбища, надгробные камни, утонувшие в земле и затянутые кудзу – стелющимся растением. Ручьи, кишасшие раками; они ждали, что их поймают и вновь отпустят на свободу, но при этом успевали щипнуть пару раз, напомнить, кто здесь хозяин. Деревья – чтобы залезть, озера – чтобы поплавать, ручьи – чтобы перейти вброд, фруктовые сады – чтобы их обтрясти.

Больше всего я любил леса. Бесконечное разнообразие деревьев – и толстоствольные ровесники первых переселенцев, и тонкие стройные прутьики, рвущиеся в небо; у каждого свой запах, своя пышная крона – лиственная или хвойная. Кудзу растет быстрее, чем растут дети, и увивает все, что попадется на пути; целые дома были словно покрыты зеленой кожей. Белки, олени, перелески, лужайки с дикими цветами, гуденье насекомых... Если бы семья и общество не возражали, я с радостью жил бы среди волков, как Маугли.

Впрочем, волки у нас не водились.

– Почему мы каждый раз ее пропускаем? – недоумевала Андреа.

Уже минут десять мы, взявшись за руки, ходили туда-сю-

да по одному и тому же участку железной дороги в поисках начала тропинки – с некоторых пор нашей любимой тропинки. Но учитывая, с какой скоростью здесь наступала природа, можно было даже человека потерять в траве, не то что узкую дорожку.

– Вот она! – торжествуя воскликнул я, указав на едва заметный просвет между двух пышных кустов. Тяжело разглядеть среди чащобы начало неофициальной тропы, но, если знаешь, где искать, глаза сами найдут. Утоптанная земля, пара сломанных веток, небольшой прогал, который почти затянулся после того, как здесь в последний раз прошли люди...

– Наконец-то! – с облегчением выдохнула Андреа.

Мы вошли в лес, как всегда, чувствуя благоговение. Кустарники гостеприимно расступились, впуская нас в мир зелени и теней. Далеко наверху сквозь купол листвы струился солнечный свет, испещряя почву золотистыми крапинками. Мы двинулись по петляющей тропке. Наверное, те, кто проторил ее до нас, понятия не имели о том, что кратчайшим путем из пункта А в пункт Б является прямая линия. Однако нам было все равно. Чем извилистее дорога, тем дольше по ней гулять.

Несколько минут мы с любопытством озирались по сторонам. Затем Андреа нарушила тишину (гудение насекомых не в счет):

– Ну что, залезем сегодня куда-нибудь?

– Только если на вершине меня ждет награда.

– Ладно. – Она показала на гигантский дуб. Его ветви были толще, чем торс взрослого мужчины; некоторые сгибались до земли и снова тянулись вверх. Идеальное дерево, чтобы на него забраться. – В награду разрешаю устроить мне тест по биологии. Взгляни, какой мох.

Я взглянул. С ветвей свисала тонкая серебристо-серая пряжа. Ее часто сравнивают с седой бородой, однако мне показалось, что дуб просто начал таять от старости. Какое грустное и обреченное дерево... А может, это его слезы?

– Давай наперегонки – кто быстрее заберется наверх?

Андреа всегда побеждала, и принимать предложение не хотелось.

– Давай просто сядем на вон тот сук и поговорим? – жалобно предложил я. – Что-то устал сегодня.

– О'кей, посидим, – согласилась она, огорчившись сильнее, чем я ожидал. – А потом все равно заберемся.

Не помню, как долго в тот весенний день мы просидели на широком низком суку. В тени дерева было зябко, и Андреа прильнула ко мне. Мы молчали. Нас связывала особая история; из тех, что любой взрослый человек выслушает и театрально закатит глаза. Тем не менее нас обоих она потрясла до глубины души. Как и историю о моей будущей покойной жене, ее лучше приберечь на потом. Достаточно сказать, что Андреа спасла меня, а я спас ее. Напоминаю, это случилось *задолго* до ужасов, о которых я хочу поведать сейчас.

Андреа зевнула и прижалась ко мне крепче, затем завладела моей левой ладонью, стиснула ее всеми десятью пальцами и заговорила, положив голову мне на плечо.

– Как думаешь, где он сейчас? – Она задавала этот вопрос несчетное количество раз; впрочем, совершенно спокойно, без дрожи в голосе. Время лечит, как утверждает аксиома. А возможно, и я внес свою лепту.

– Он далеко отсюда, – убежденно ответил я. – Ты и твоя мама в безопасности. Нужно быть полным идиотом, чтобы еще раз сунуться в наш штат. А этот ублюдок точно не идиот.

– Уф... – выдохнула Андреа, словно поставив галочку в уме.

– Такой самовлюбленный тип сюда нипочем не явится. Почему он издевался над людьми? Дело тут не во власти, не в зависти или какой-то болезни. Дело в нем самом. Мистер Льеренас пытался поставить себя выше всех, вознестись на какую-то богом проклятую гору, которую он себе вообразил. А арест и тюрьма – не то, ради чего стоит рисковать. Это оскорбит его в лучших чувствах.

Андреа внезапно заговорила с жутким британским акцентом. Возможно, новая тактика, чтобы скрыть горе?

– Значит, ты думаешь, что он совсем не рвется за решетку?

– Нет, миледи. Он бы счел тюрьму... абсолютно невыносимым местом.

Единственное, что хуже британского акцента Андреа, –

мой южный выговор.

– Наверное, ты прав. – Она перешла на серьезный тон. – Прошло слишком много времени, чтобы он сохранил настоящую злобу. Таковую, которая заставила бы его вернуться и совершить глупый поступок... например, устроить нам какую-нибудь пакость. Он ничего не получит – ни дома, ни денег. Только себе навредит. Ведь в тот раз практически вышел сухим из воды.

– Согласен. – Я повернулся и поцеловал ее в лоб.

– Так что я больше не боюсь. Я спросила про него, потому что... ну, просто из любопытства. Где-то он живет, мой отец-лузер. Просыпается утром, что-то делает, вечером снова засыпает... Трудно об этом не думать.

Я поцеловал ее еще раз. Так взрослый мужчина утешает любимую женщину, а я в жизни не чувствовал себя более взрослым.

– А если мы устроим себе типа развлечение: будем фантазировать, что он делает? – Мысль пришла мне в голову спонтанно. Настолько блестящая, что дух захватило. – Давай попробуем!

Андреа оттолкнулась от меня и села прямо. Затем оседлала сук и принялась раскачиваться.

– Какая идея! Вот сейчас и начнем. Вроде книжки «Где Уолдо?»⁶, только более мрачно и извращенно... а еще это

⁶ «Где Уолдо?» (Where's Waldo?) – цикл иллюстрированных детских книг, в которых нужно найти на картинке определенного человека или вещь.

терапевтично.

Ее лицо озарилось улыбкой, и я ощутил себя величайшим в мире психологом.

– Ну, кто первый?

– Разумеется, ты. Кто придумал, тот и начинает.

У меня чуть не вырвалось «Есть! Молодец!» (Сам не знаю – то ли я действительно упивался собственной дерзостью, то ли страстно хочу представить дело именно так.)

– О'кей. – Я потер руки. Говорят, от этого мозги работают эффективнее. – Мы назовем нашу игру «Что бы я делал, если бы был Энтони Льеренасом?» Итак...

– Нет-нет! Слишком громоздко! Давай короче: «Где Энтони?» Надеюсь, в лесу нас не засудят за нарушение авторского права.

Я покорно кивнул и снова потер руки.

– О'кей. *Где Энтони?* Прямо сейчас он... прошел компьютерную томографию, и врач смотрит на него, озабоченно покачивая головой. Твой отец...

– Не называй его так, – перебила Андреа. – Просто Энтони.

– Понял. Энтони. Томография, озабоченный доктор, и так далее. Уловила?

– Да, Дэвид.

– Значит, твой... Энтони спрашивает: «Что-то серьезное? Со мной что-то не так? Пожалуйста, доктор Шпиц, не тяните!»

– Доктор Шпиц?

Я пожал плечами.

– Первое, что пришло в голову.

– Как странно.

– Ты позволишь мне закончить первый раунд или нет?

Андреа крутнула кистью руки – жест, означающий «валяй».

– Так вот. Доктор Шпиц подходит к сукиному сыну Энтони, кладет руку ему на плечо и изображает сочувственную гримасу. Мне очень жаль, говорит он, сбылись наши худшие предположения. У вас вместо мозгов задница. Не понимаю, как такое случилось. Завтра сделаем колоноскопию, посмотрим; возможно, они перепутались при рождении.

В какой-то момент Андреа начала хохотать, и я с трудом завершил речь, потому что присоединился к ней.

– Классно получилось, – наконец сказала она, вытирая слезы. – Я не знала, чего ожидать, но меня зацепило. Отличное начало.

– Благодарю вас. – Я церемонно наклонил голову; жест, достойный особы королевской крови. – Твоя очередь. А потом заберемся на дерево.

– Ага. Только пока мы говорили о задницах, я свою уже отсидела. Давай лучше встанем, прогуляемся немного. А я подумаю и подключусь к нашей новой игре чуть позже.

– Согласен.

И мы углубились в лес. Деревья становились все мощнее и росли кучнее, листва сгущалась, будто на нас наступало зеленое море. Солнце огненными лучами цеплялось за горизонт. Тени внезапно удлиннились, и силуэты деревьев на земле сделались длиннее, чем стволы, которые эти тени отбрасывали. Воздух приобрел мрачный оттенок; по-прежнему золотистый, он как бы наполнился печалью, словно оплакивал неизбежное завершение чудесного дня. Мы шли рука об руку, наслаждаясь видом, звуками и друг другом.

– Придумала что-нибудь? – спросил я, когда молчание слишком затянулось.

– Да. – Андреа перешагнула через корень размером с аллигатора и поднырнула под свисающую ветку; я шел след в след, с радостью уступая подруге роль первопроходца. – Только это совсем не забавно. Скорее... глупо.

– Могу поспорить, будет круто. Удиви меня, милочка.

Очередную свисающую ветку Андреа просто отвела в сторону и отпустила; та хлестнула по мне и вернулась на место.

– Никогда не зови меня «милочка»! Даже если бы мы поженились, родили детей, вместе излечились от рака, хранили верность друг другу и дожили до девяноста девяти лет, а потом прыгнули с парашютом и умерли, держась за руки – все равно я никогда не позволила бы тебе звать меня «милочка»!

Я засмеялся, потому что уже слышал эту шутку.

– Прости, гениальная моя.

– Вот так лучше. Милочкой называют толстую старую тетку...

Я догадывался, что Андреа задета сильнее, чем можно было ожидать – возможно, тут виновата тема нашей игры, – но захочет ли она говорить об этом? Не захотела.

Она развернулась ко мне.

– Что ж, я готова. Только не смейся.

– А если будет смешно?

– Тогда можешь разок засмеяться. Но забавного ничего не будет, так что лучше не надо.

– Какие противоречивые инструкции.

– Ты готов слушать или нет?

Я метнулся вперед и быстро поцеловал ее.

– Готов как штык!

– Только не...

– Знаю. Можешь не повторять. Итак, где Энтони?

Андреа мотнула головой и сделала глубокий вдох.

– Он в баре. Подходит женщина, спрашивает, свободно ли место рядом с ним. Он отвечает, что да. Она садится. Он заказывает ей... допустим, мартини. Она делает глоток и вздыхает... удовлетворенно или облегченно. Затем поворачивается к моему... к Энтони и говорит: «У тебя были оба глаза, когда ты издевался над матерью и оставил свою семью в нищете?» Он, конечно, смотрит на нее в замешательстве, пото-

му что это странный вопрос, согласен?

– Да, – отвечаю я в полном восхищении.

– И она повторяет все слово в слово. Он кивает и уже подумывает, что надо валить оттуда поскорее. Но прежде чем успеваешь сдвинуться с места, женщина хватается за нож и втыкает ему в правый глаз, – Андреа замахнулась сжатым кулаком, – а потом проворачивает лезвие. Глаз лопается. Энтони вскрикивает и падает со стула на пол, корчась от боли. Женщина спокойно встает и направляется к выходу. У двери оборачивается через плечо и произносит: «Тебе и одного глаза хватит. Большого не заслужил».

Андреа остановилась, глядя не на меня, а на сухую хвою по краю тропинки. Кажется, моя челюсть выпала – в буквальном смысле, в полном соответствии с поговоркой.

– Вау. Брутально...

– Рада, что ты не смеешься.

– Какой тут смех? Все равно что смеяться над невинно убиенными младенцами. – Я старался говорить участливо, однако выбрал неверную тактику. Андреа развернулась и бросилась вперед по тропинке. Я быстро догнал ее. – Прости меня. Прости. – Я схватил ее за руку и развернул лицом к себе. – Я серьезно. Прости. Идеальная история. Так и надо. Теперь мы будем издеваться над ним необычным способом. Иногда сочиним что-нибудь забавное, чтобы посмеяться над ублюдком, а иногда брутальное, как ты сейчас. Ну как, продолжим? Еще по разу? По-моему, затея того стоит.

Она улыбнулась, хотя улыбка вышла горькой.

– Согласна. Действительно, затея того стоит.

– Теперь я люблю твой ум еще больше.

Мы обнялись и продолжили путь.

4

Не прошло и пяти минут, как мы спохватились – нужно поворачивать обратно, иначе застрянем в лесу в кромешной тьме. Мир погрузился в сумерки, превратив лес в царство теней. Мы возвращались по той же тропе, немало огорченные, что сегодняшнее приключение подходит к концу. Как всегда!

– Мой юный друг Дэвид! – произнесла Андреа. Деревья возвышались над нами подобно старым космическим ракетам, которых списали и отправили в лес доживать свой век. Гудение насекомых усилилось; они предвкушали грядущую ночную вакханалию. – А ведь мы так и не забрались на дерево и забыли про тест по биологии. Ты обещал погонять меня.

– Ах да. Какое упущение.

– Давай этим займемся, идти еще долго. Иначе провалю тест, как в прошлый раз. А я должна закончить школу со средним баллом четыре.

– Провалила тест? – удивился я. – Ты вроде решила его на восемьдесят семь процентов!

– Именно.

Я подождал немного, однако продолжения не последовало.

– Да. Ну ладно. Пусть так: митохондрия и осмос, и еще две вещи. Расскажи об этом.

– Дэвид!

– Хорошо. Если три...

Андреа внезапно остановилась, я тоже. Первый признак, что что-то произошло: она не замедлила шаг, а резко застыла на месте. Ее тело напряглось, подобно негнушимся стволам окружающих нас деревьев. Она отвела руку назад и коснулась пальцем моей груди.

Я распознал жест как призыв к молчанию и прошептал:

– Что случилось?

Мое сердце замерло – настолько странно Андреа на меня смотрела. Во взгляде читался не сказать чтобы страх, скорее отвращение; лицо скривилось, словно подруга увидела нечто ужасное и необъяснимое.

Чтобы не нарушать тишину, я в ответ наморщил лоб и вопросительно приподнял руки – жест, означающий «Что происходит?» Она наклонилась и зашептала мне в ухо:

– Там мужчина. В стороне от тропы. Делает что-то... непонятное. – Андреа отодвинулась, не теряя зрительный контакт, затем мотнула головой в нужном направлении. Я взгляделся и вскоре рассмотрел незнакомого человека, стоявшего к нам спиной. И тут же, словно увиденное разбудило мои барабанные перепонки, услышал негромкие звуки. То

ли вскрики, то ли стоны.

Мужчина худощавого телосложения стоял спиной к нам и возился с каким-то лежащим на земле предметом. Почти скрытый от нас тенью, он двигался толчками, несбалансированно, словно его кости и суставы нуждались в смазке, как у робота. Каждую секунду или две вскидывал вверх правую руку и затем резко опускал. Поведение неестественное и потому тревожащее. Картину усугубляли доносящиеся до меня звуки – глухие удары, пыхтение, затем слабый стон, словно от боли. Вряд ли он копал. Скорее закалывал кого-то.

– Он что, оленя забивает? – зашептал я в надежде, что так оно и есть.

Теперь Андреа пожала плечами.

– Как нам быть? – проговорила она одними губами. Я увидел в ее глазах ужас, который испытывал сам.

Незнакомец делал свое черное дело не на тропинке, но достаточно близко к ней; невозможно проскользнуть мимо и остаться незамеченными. А если сойти с тропы, будет много шума, и он оторвется от своего дела, чем бы ни занимался. Можно отступить назад, вглубь леса, но тогда мы точно не выберемся оттуда до наступления темноты.

Я покачал головой, лихорадочно прикидывая варианты – от «залезть на дерево» до «напасть на мужчину и повязать его». Однако в голову так и не пришло ничего подходящего.

Андреа медленно опустилась на корточки и потянула меня за руку. Пришлось сесть на пятую точку, иначе я упал бы

на спину. Подруга зашептала:

– Останемся здесь. Может, он нас не заметит. Пришел явно не с нашей стороны и назад должен двинуться в сторону железной дороги. Подождем, пока он закончит, и тогда пойдем следом.

Я кивнул и постарался расслабиться. Тщетно. По всем признакам это сумасшедший, и он в тридцати ярдах от нас. Я высунулся из-за плеча Андреа и попытался разглядеть мужчину получше. Темнота сгущалась и словно подстегнула его; он принялся работать усерднее – яростно рубил, отсекал и разделявал то, что лежало у его ног. Даже если это олень, белка или какая-нибудь другая дичь, у парня серьезные проблемы. Каждое отрывистое движение кричало о неблагополучии. Я ощутил приступ паники. Чтобы подавить ее, потребовались титанические усилия.

И Андреа почувствовала это.

– Мы справимся. Нужно только убежать отсюда, и как можно быстрее. По тропинке, прямо мимо него. Он вроде старый и тощий. Если не убежим, то отобьемся.

Отвага подруги меня приободрила, но все же я подумал: а может, не надо? В мои планы не входило умереть сегодня.

– Ты серьезно? – спросил я. Излишне громко.

Мы инстинктивно развернулись и посмотрели на мужчину. Тот меня не слышал. Или не счел за проблему. Тем временем незнакомец встал на колени и наклонился вперед. Теперь он двигался так, словно что-то перепиливал. Руки хо-

дили вперед и назад, вперед и назад, и тело синхронно дергалось. Будто он в одиночку работал двуручной пилой.

– Что за черт? – пробормотал я себе под нос.

Насекомые гудели настолько громко, что я не мог понять – то ли слабые жалобные стоны совсем прекратились, то ли их заглушили. Выждать дальше было невозможно. Требовалось действовать, как предложила Андреа, иначе я сошел бы с ума и начал кричать.

– О'кей. Давай попробуем убежать.

– Ты сможешь? – переспросила она.

– Я тебе доверяю. – Не хотелось взваливать на ее плечи тяготы по руководству нашим выживанием, но никогда раньше я не видел свою подругу столь решительной.

– Мы пробежим мимо него и сообщим в полицию. А если вздумает нас преследовать, как-нибудь справимся. Нас двое, он один.

Я кивнул, изобразив максимальную уверенность, на которую был способен.

– По твоему знаку.

Андреа ухватила меня за руку, и мы приняли стартовую позицию. Мужчина продолжал сосредоточенно пилить. До меня не доносилось других звуков, кроме гула насекомых и скрежетания инструмента. Объект, над которым трудился извращенец – человек или животное, – теперь точно был мертв.

– Быстрее, пока он занят. Пошли!

Андреа рванула вперед и потянула меня. Убедилась, что я за ней последовал, и лишь затем отпустила руку. Наши ноги глухо стучали по узкой натопанной тропке, покрытой листво́й, а плечи с хрустом ломали свисающие ветки и кустарник. По-моему, шумели мы не сильно, однако, когда приблизились к мужчине – по-прежнему стоявшему на коленях, – он резко повернул голову. Даже в сумерках, в чащобе, где тень накладывалась на тень, его глаза вспыхнули ярко и свирепо, расширившись сверх возможных пределов. Таких глаз нет ни у одного человеческого существа.

Я подавил рвущийся из груди крик, борясь с искушением развернуться и бежать прочь, в противоположном направлении. Андреа летела впереди и явно не собиралась замедляться. Я удвоил усилия и догнал ее, вновь обретя волю к жизни. Дистанция между нами и незнакомцем сократилась наполовину. Затем еще раз наполовину. Вот-вот мы промчимся мимо него и получим фору, чтобы выбраться из лесу первыми. Мужчина вскочил на ноги, развернулся всем телом и шагнул вперед. Мы поравнялись, я и Андреа на тропинке, он – футах в двадцати. Я не смог отвести взгляд, потому что узнал этого мужчину и содрогнулся от ужаса. Улепетывая так быстро, как только возможно, секундой позже я оставил его позади и теперь смотрел назад, выворачивая шею.

Нога споткнулась о корень, выступающий из земли подобно вздувшейся вене. Я налетел на Андреа, и она не дала мне упасть. Мужчина сделал еще несколько шагов по направле-

нию к нам и застыл, явно не собираясь пускаться в погону. Больше нельзя было одновременно смотреть на него и бежать, и, хотя подставлять ублюдку спину представлялось опасным, мы предпочли бегство.

– Андреа, – спросил я, тяжело дыша, – ты знаешь, кто это?

– Нет.

Воздуха не хватало, спринт не позволял вести долгие разговоры. Наконец мы обогнули большой дуб, на который до того собирались залезть; его ветви выступали вперед и клонились к земле, словно щупальца спрута. До железной дороги было еще далеко, однако я испытал удовлетворение – теперь между нами и этим типом встало дерево-монстр.

Грудь болела от чрезмерных усилий и требовала отдыха. Холодный воздух обжигал легкие, не позволяя вдохнуть настолько глубоко, как хотелось. Наверняка я пыхтел, как пылесос, требующий ремонта. Возможно, хрипы подруги заглушались моими, но мне казалось, что Андреа, как легконогая олимпийка на марафонской дистанции, дышала ровно, и на ее лице не выступило ни капли пота. А вот мои подмышки промокли, и я пожалел – Богом клянусь! – что не воспользовался дезодорантом.

Страх несколько отступал – хотя бы ненамного! – по мере того, как увеличивалось расстояние между нами и оставшимся позади жутким зрелищем. Не доносилось никаких звуков и других признаков погони, что шокировало и в то же время безмерно радовало меня. Возможно, мужчина слыш-

ком утомился или просто был слишком стар, чтобы гнаться за двумя подростками, настичь которых он не имел никаких шансов.

Он?

А это действительно *он*?

Мы миновали чащобу. Я различил в полумраке знакомые очертания, означавшие, что железная дорога близко, и припомнил, как десять лет назад, в студеный зимний день повстречал человека, который отправился за покупками, вскинув на плечо лопату. Сложить два и два не трудно. Сегодня я увидел того же самого мужчину, увлеченного неким чудовищным промыслом, – в противном случае у меня что-то со зрением.

5

Наконец мы вырвались из леса на простор. На небе еще горела багровая полоса. Я совсем выдохся. Сердце уверяло, что оно вот-вот разорвется. Я согнулся вдвое, уперся руками в колени и жадно глотал воздух, пытаюсь втянуть в себя все молекулы кислорода в Линчберге, – а остальные жители города пусть катятся к черту.

– Ты как... жив? – спросила Андреа, положив руку мне на спину и стараясь заглянуть в лицо.

Я смущенно наклонился еще сильнее. Сама подруга дышала тяжело – все же она человек и тоже устала.

Спустя несколько секунд я понял, что смерть отступила. Выпрямившись и уперев руки в боки – как учил нас тренер, это лучший способ открыть легкие, – я кивнул и заверил Андреа, что чувствую себя хорошо. Но стоило мне осознать, что стою спиной к лесу, как я ощутил на себе взгляд Гаскинса и развернулся, чтобы исследовать тени между стволами, почти ожидая увидеть пару горящих глаз.

– Нам лучше поторопиться. – Меня внезапно осенило. Вот почему он нас не преследовал! Наверное, знал короткий путь и планировал перехватить нас позднее. Я вздрогнул всем телом – буквально с ног до головы, и, схватив Андреа за руку, потащил ее за собой, пока мы не вышли на настоящую дорогу и приблизились к городу. Тут подруга меня остановила.

– Кто он?

Я обернулся на лес – настолько темный, что виднелись лишь ближайшие деревья, – и снова перевел взгляд на Андреа.

– Коротышка Гаскинс.

На лице подруги последовательно промелькнули все фазы растерянности. Она решила, что я шучу, однако затем поняла – в такой ситуации мне не до шуток.

– Который работает в похоронном бюро?

– Он самый.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Я пыталась разглядеть, что лежало перед ним на земле... – Она тоже обернулась на лес. – Гаскинс? Действительно?

– Да. И никто не знает, где он сейчас. Нужно убираться отсюда поскорее и идти в полицию. Он ненормальный.

Стоило хоть немного удалиться во времени и пространстве от места происшествия, и мой мозг уже отказывался признать, что Гаскинс причинил вред живому существу – это всего лишь иллюзия, игра теней, я начитался сказок, и воображение ухватило за худший сценарий. И все же я понимал, что действия Гаскинса тянули на девять с половиной по десятибалльной шкале ужаса. Однако то, что следом сообщила Андреа, повысило их до полноценных десяти баллов и развернуло все мои представления на сто восемьдесят градусов.

Андреа обхватила мое лицо ладонями, чтобы заставить взглянуть ей в глаза.

– Я видела *голову*, Дэвид.

Глава 5

Линчберг, Южная Каролина

Июль 2017

Мне 44 года

1

Увидеть окровавленную голову среди листвы и рядом с ней городского могильщика – отличный сценарий для кошмаров, и мы с Андреа вдоволь насмотрелись их в последующие годы. А ведь в то далекое лето нас ожидали новые сюжетные повороты. После окончания школы мы не потеряли друг друга – были и рождественские открытки, и редкие встречи, – однако особые взаимоотношения, удивительные и яркие, постепенно сошли на нет. Нас разлучили ужасы, которые довелось пережить тогда.

И которые вновь обрушились на меня тридцать лет спустя, после визита Дикки Гаскинса.

После того как мой сын Уэсли ценой героических усилий спас несчастного от удушения собственным языком, потребовалось немало времени, чтобы уговорить детей. Каждый отреагировал по-своему. Логан, самый младший, застыл как фигура, похищенная из сада скульптур в Лувре, – рот

чуть приоткрыт, румянец сошел с лица, глаза сосредоточенно смотрят на какую-то удаленную точку. Семилетний Мейсон усердно оправдывал свою репутацию главного плаксы в семье и ревел во всю глотку. Хейзел, наша мудрая десятилетняя женщина, изо всех сил старалась сдерживать слезы, но они текли рекой. Однако девочка стояла прямо, сложив руки, и горе тому, кто посмел бы обвинить ее в малодушии.

А вот и Уэсли, герой дня. Как описать его поведение? Сын *обалдел*. Обалдел, как кролик, попавший в капкан. За вечер не проронил почти ни слова; сколько я ни допытывался, где, черт возьми, он научился спасать людей, проглотивших язык, сын лишь пожимал плечами, и отвечал, что сам не знает, – наверное, инстинкт подсказал.

Приехала «Скорая». Приехала полиция. Явились соседи с близлежащих ферм – у них всегда хороший нюх на происшествия! Казалось, инцидент исчерпан.

– А он не вернется? – спросила Хейзел, лежащая на полу у моего дивана.

Прошло несколько часов; все приготовились ко сну. Как сказал бы Диккенс, люди должны высыпаться – и в хорошие времена, и в плохие. Обычно в гостях у бабушки мы табором располагались в большой гостиной; никто не отваживался подняться в одиночку наверх, в одну из темных, пыльных, окутанных тайнами спален, некогда занимаемых мной и моими братьями и сестрами. Это не имело отношения к сегодняшнему происшествию – просто испытанная временем

традиция, родившаяся, когда всех нас пугал якобы поселившийся на чердаке призрак. По той же причине мы включали на полную мощность несколько переносных вентиляторов; никому не хотелось слушать у себя над головой шаги деда Финчера. (А еще нам просто нравился убаюкивающий гул – он погружал в сон воспаленные мозги.)

Я протянул руку и нежно погладил голову дочери, хотя почти не мог разглядеть ее в темноте.

– Не бойся, милая. Дикки за всю жизнь ни одной мухи не обидел. – Вопиющая ложь! Однако мой разум хорошо постарался, заблокировав худшие воспоминания детства. Мог ли я знать, что скоро это изменится? – Просто Дикки из тех парней, с кем жизнь обошлась сурово, и он толком не знает, как ей распорядиться. Понимаешь?

Может, те воспоминания всплыли из подсознания, а может, и нет, но я отчасти сожалел, что сыну удалось спасти этого ублюдка.

– А как именно сурово? – не унималась Хейзел.

В темноте вспыхнула еще одна пара глаз – Мейсон оперся на локоть и приготовился слушать. Логана сморил сон, а вот Уэсли тоже бодрствовал. Он обычно устраивался на ночь в раскладном кресле моего отца, размером почти с Нью-Гемпшир, загадочным образом помещавшемся рядом с маленьким камином. Хотя сейчас сын даже не разложил кресло. «А что ты думаешь об этом?» – мысленно спросил я Уэсли. Сын все равно вряд ли расслышит меня сквозь ураганное за-

вывание вентиляторов, и я просто подмигнул, надеясь, что он хотя бы увидит.

– Папа?

Я вспомнил про Хейзел.

– Ох, прости. Так о чем ты спрашивала?

– Почему его жизнь была такой суровой?

Я точно знал, какая у нее сейчас забавная мордашка, – как и то, что на каждой ноге у меня по пять пальцев.

– Его отец... – Я запнулся. Всегда гордился, что не скрываю ничего от детей, однако страшная сказка о Коротышке Гаскинсе – это уж слишком. – Его отец был плохим человеком и ужасным родителем. Самым плохим. Зато вам повезло – у вас лучший на свете папа!

Я предпринял отчаянную попытку сменить тему и направить разговор в другое русло, но она не удалась. Совсем не удалась. Потому что следующий вопрос задал Мейсон:

– А что натворил его отец?

Неужели я где-то проговорился? А иначе что заставило бы семилетнего ребенка задать столь специфичный вопрос? Подобная формулировка обычно относится к пребыванию в тюрьме, о чем Мейсон в его возрасте не должен знать.

Не в состоянии солгать, я ответил просто:

– Он причинил вред многим людям. Если точнее, он их убил. Но это происходило тридцать лет назад. Вам бояться нечего.

Как должны принять подобное заявление напуганные ма-

ленькие дети ночью в темноте, когда по чердаку расхаживает призрак? Я физически чувствовал их страх.

– Идите сюда. – Я рывком сбросил ноги с постели и хлопал по простыне с обеих сторон от себя. Дети вскарабкались на диван так быстро, словно я объявил начало игры в «горячий пол». Я положил руки им на плечи и крепко стиснул. – Сегодня у нас выдался безумный день. Давайте не будем обсуждать это происшествие, ладно? Поговорим лучше о... о кроликах!

– А отец Дикки убивал кроликов? – спросил Мейсон.

Боже, спаси меня! Вероятно, убивал. Еще в детстве. Убивал, сдирал шкуру, развешивал тушки, чтобы они гнили, внутренности поедал, а кровь использовал для обрядов вуду или черной магии. Разумеется, с детьми я своими пессимистичными выводами не поделился.

– Нет, конечно же, он любил кроликов, как и все. – Какое счастье, что дети не видят, как я поморщился, давая столь абсурдный ответ. – Я серьезно. Поговорим про что-нибудь еще. Сознайтесь, как насчет новых игр на ваших телефонах? Которые списывают деньги с моей кредитки без моего ведома?

– Папа!

– Отлично. Хейзел создалась. И что у тебя есть?

– А расскажи нам еще про призрака! – Я вздохнул, и дочь поспешно добавила: – Я знаю, это просто глупая сказка, но очень прикольно слушать про прадеда Финчера.

Честно говоря, для меня это не просто глупая сказка, во всяком случае, не полностью. Я много раз слышал вздохи и скрип половиц на чердаке. И хотя эти звуки не прекращали наводить ужас, заставляя покрываться мурашками и воображать, будто сам Аид восстал из царства мертвых, чтобы пощекотать меня по спине, я мирился с ними, воспринимал как курьез. Просто дед Финчер не хотел покидать дом, в котором родился, и никому никогда не причинял вреда, особенно своим родственникам. Ведь он отец моей мамы. Так оставьте старика в покое, пусть обитает себе на чердаке; не нужно вызывать с телевидения охотников за привидениями.

– Ну все, хватит. – Я решил больше не говорить о призраках. – Подумайте о чем-нибудь приятном. Диснейленд. Мороженое. Лепреконы. Голые танцующие лепреконы.

Хейзел захихикала, а Мейсон зевнул.

Мы погрузились в молчание. Дети нырнули ко мне под мышки и прижались еще теснее. Самое прекрасное на свете ощущение!

Прежде чем уснуть окончательно, я запомнил две вещи: как дети вернулись в свои постели и как чуть позже, уже сквозь дымку сна, послышался металлический лязг – старенький все-таки разложил большое папино кресло.

2

Посреди ночи я проснулся и, к своему величайшему удив-

лению, обнаружил себя в лесу.

Не знаю точно, что меня разбудило. В разгар лета в Южной Каролине, на открытом воздухе, да еще и на земле среди деревьев... Громкое жужжание насекомых. Пробежала мышь или белка. Олень наступил на ветку. Ужалил mosquito размером с дом. Что угодно могло вырвать меня из не поддающегося объяснению дремотного состояния. Вопрос в другом: как, черт возьми, я оказался на улице?

Мои веки дрогнули, и сознание включилось, немедленно прервав сон. Я ощутил, что лежу, уткнувшись лицом в листву и ветки, услышал гул насекомых, вдохнул влажный ночной воздух. А вот вентиляторы почему-то умолкли. Как нелепо. Оттолкнувшись от земли обеими руками, я вскочил на ноги и огляделся. Луна светила достаточно ярко, чтобы различить бесчисленные силуэты веток над головой и сетку теней внизу, едва ли намного чернее, чем лесная почва.

Я находился посреди леса! Искра паники пронзила тело.

Голова кружилась. Пошатываясь, я инстинктивно отряхнул мусор с рубашки. Затем раз десять повернулся на месте, пытаюсь понять, как сюда попал. Меня всего трясло от ощущения, что за мной наблюдают.

– Эй! – громким шепотом крикнул я, чувствуя себя как никогда по-дурацки. На самом деле не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о таком странном повороте событий, и я решил больше не подавать голос.

В конце концов в голове прояснилось, и я смог опознать

окрестности: за деревьями, не далее чем в пятидесяти футах, проглядывали очертания родительского дома. Я припустил рысцей в его направлении, надеясь вернуться незамеченным. Пробираясь мимо редящих деревьев на опушке, попытался вспомнить, случалось ли мне раньше бродить во сне. В закоулках памяти что-то щелкнуло – будто приподнялась завеса. Да, совершенно точно, я когда-то уже бродил во сне. Вот только подробности исчезли в тумане.

На заднем дворе было темно и пусто; массивные кусты пекана выпирали из земли, словно черные грибовидные облака. В воздухе повисла зловещая тишина, как будто насекомые взяли пятнадцатиминутный перерыв. По спине снова забегали мурашки. Наверное, это легкий ветерок охладил пот, но мне стало не по себе. Может, дед Финчер решил покинуть пыльный чердак и прогуляться по своим прежним владениям?.. Я изо всех сил рванул к заднему крыльцу, продолжая ощущать за своим плечом чье-то присутствие. В груди заныло.

Взбежав по ступенькам, я толкнул дверь. Заперто! Вот черт, неужели я вышел через парадный вход? Я развернулся, почти уверенный, что позади стоит полупрозрачный старик и мерзко хихикает. И с превеликим облегчением от того, что так его и не увидел, спустился с крыльца и обогнул дом. Как никогда тянуло нырнуть под одеяло и укрыться с головой!.. Я едва не расхохотался вслух, и видимо, застал врасплох насекомых – гуденье возобновилось. Хотя я был весь на

нервах, меня наполнило радостное возбуждение. Сознаюсь, я чувствовал себя как ребенок, когда вскочил по ступенькам на веранду одним махом, почти как Супермен.

Передняя дверь тоже была заперта.

Я отступил на шаг, тупо глядя, как захлопнулась москитная решетка.

Что произошло? Получается, я бродил во сне, однако спал не очень крепко и добросовестно защелкнул дверь?.. Я расхаживал по цементному полу веранды, обдумывая разные варианты. Залезть в окно? Чего доброго, папа решит, что вернулся Дикки, схватит дробовик и даст предупредительный выстрел. И я поймаю свинец прямо в грудь. Может, сесть на садовый стул и проспять на веранде остаток ночи, а потом заявить, что встал в несусветную рань полюбоваться восходом солнца? Однако я уже вообразил реплику Хейзел: «Ну конечно, папочка. И ты не выпил кофе? И вышел в закрытую дверь? В следующий раз придумай что-нибудь получше».

Черт. Придется стучать. Я должен постучать и сообщить детям постыдную правду: я брожу во сне. Я, черт возьми, лунатик!

Послышался щелчок.

Источник шума сперва сбил меня с толку. Я знал, что крыша веранды всегда обладала загадочной способностью отражать звуки. Я обернулся, однако не увидел ничего, кроме теней. Вновь звякнул металл. Это же дверная ручка! Я распахнул москитную решетку, едва не сорвав ее с петель, ожидая,

когда меня впускают. Однако ручка шелкала, не поворачиваясь.

Меня снова охватил иррациональный ужас. Дед Финчер пытается выйти на волю! Теперь я знал это совершенно точно. Но тут из-за двери послышался несмелый голосок:

– Папа? Мне страшно.

Логан! Я устыдился. И одновременно испытал облегчение – не только потому, что это оказался не призрак (да, понимаю, нелепо – если только вы не стоите ночью в темноте и не слышите шорох, прямо как в фильме «Рождественская история»), но и потому, что виновным был мой младший сын. Может, как-нибудь выкручусь – к утру малыш все забудет, а если и нет, четырехлетнего ребенка легко убедить, что ему все приснилось.

Я присел на корточки и прошептал:

– Логан? Ты меня слышишь?

– Папа?

– Да, это я. Случайно захлопнул дверь. Ты знаешь, как открыть замок?

– Мне страшно.

Даже сквозь деревянную перегородку голосок сына звучал умирительно, как в плохой телерекламе. Ужасно хотелось его обнять!

– Знаю, приятель. Мне тоже страшно. – Я поморщился. И зачем только признался? – Видишь такую маленькую... штуку на дверной ручке? Прямо в середине. Поверни ее. Зажми

двумя пальцами и поверни. Маленькую плоскую штуку. Понял?

Логан не ответил. Он явно ничего не понял из моих красноречивых описаний.

Я со вздохом встал. Выгнул спину, размял затекшие мышцы и охнул. Колени болели. Я стар, как тот самый пекан.

– Логан?

Ручка снова щелкнула. Замок сработал, и дверь распахнулась. Я открыл рот, чтобы снисходительно произнести что-нибудь типа «молодец», однако потерял дар речи. Трое младших детей, сбившись в кучку, смотрели на меня снизу вверх.

– Ого! – Я не смог скрыть досаду. – Никто не спит! Вот незадача!

Мой тонкий юмор оценила только Хейзел. Дочь шагнула вперед и взяла меня за руку.

– Ради всего святого, папа, что ты делаешь на улице? Мужчине в твоём возрасте необходим полноценный сон.

Никогда еще я не был так счастлив услышать голосок моей не по годам мудрой проказницы. Заключив ее и обоих сыновей в отеческие объятия, я проговорил:

– Уф. Как я вас люблю. А теперь идем досыпать.

– Ты не ответил на мой вопрос, – упорствовала Хейзел. Ну почему ей всегда необходимо быть такой умницей?

– Мне не спалось, и я решил прогуляться. Вероятно, машинально защелкнул дверь на замок. Ничего страшного. Спасибо. Вы меня спасли. Идемте. – Я мягко втолкнул детей

в дом и запер дверь. На этот раз целенаправленно. – Чудо, что мы не разбудили Уэс...

Я умолк на полуслове – взгляд наткнулся на необъятное папино кресло. Оно пустовало. В комнате никаких признаков Уэсли также не наблюдалось. Его телефон лежал на прикроватном столике. В другое время и при других обстоятельствах я бы не удивился. Наверное, в туалет вышел. Или перекусить на кухню. Что-то в этом роде.

Но не сегодня. В эту чертовски странную ночь созерцание пустого кресла породило в моей груди новую волну паники.

– Где брат?

Хейзел плюхнулась на свою постель и медленно обвела взглядом кресло.

– Ой...

Мне никогда этого не забыть. Никогда не забыть зловещий предвещающий несчастье подтекст, заключенный в простом слове, в тот миг, когда оно сорвалось с губ дочери. Она знала. Я мог много в чем сомневаться, но только не в этом. Я чувствовал сердцем, а Хейзел знала точно – случилось что-то плохое.

Я пронесся через гостиную и выскочил в коридор, ведущий на кухню. Дверь в ванную была приоткрыта, но полоска света оттуда не пробивалась. Я щелкнул выключателем. Никого. Дотошно повинуясь какому-то расхожему клише, требующему проверить все досконально, я отдернул шторку – а вдруг сыну пришла в голову дурацкая идея принять душ

среди ночи? Однако и за шторкой было пусто.

Уже не искра паники, а целое пламя занялось в моей груди.

В нашем старом доме имелась еще одна ванная, и я стремглав бросился туда. Тоже никого. Я обошел весь дом, взывая к рациональной составляющей своего разума – ведь можно как-то объяснить, почему сын исчез бесследно? Осталась спальня родителей. Мне даже не пришло в голову, что нарушаю неписанные правила – я просто распахнул дверь без стука и вошел; свет из коридора упал на кровать. В постели спали двое, больше никого не видно. А папа лежит поверх одеяла – еще одна странность этой ночи. Я прошагал через комнату и заглянул в шкаф. Потом, когда выдавалась свободная минутка, я порой размышлял: допустим, мы нашли бы Уэсли, забившимся в бабушкин шкаф, причем среди ночи? Неужели чувство облегчения смягчило бы абсолютную эксцентричность такого поступка?

Однако в шкафу я Уэсли не нашел. И не нашел нигде.

– Может, проверим чердак?

Голос Хейзел испугал меня так, что я едва не вскрикнул.

– Тс-с, милая, – пролепетал я и взял девочку за плечи, уводя из спальни. Родители завозились в постели, но ничего не сказали, а я не был готов ставить их в неловкую ситуацию.

Мы вернулись в гостиную, откуда, насколько я знал, вел единственный вход на чердак – небольшой квадратный люк в потолке, закрытый обычной плоской крышкой. Как в дет-

стве, так и потом, повзрослев, я решался разве что украдкой заглянуть в это жуткое и таинственное место. Однако сейчас я немедленно притащил от входной двери стул и поставил под люк. Забрался на него, расставив руки, чтобы удержать равновесие. Затем потянулся вверх и отодвинул крышку. В лицо порхнуло облачко пыли.

Я закашлялся и принялся тереть глаза. И сделал то, что в другое время показалось бы смешным, а сейчас напугало детей – они могли почувствовать мой растущий страх. Подпрыгнул как мог высоко, чтобы окинуть беглым взглядом чердачное помещение. Потом повторил свой трюк четыре или пять раз, чтобы просканировать каждый угол. В темноте различались силуэты ящиков и груды всякого барахла, сваленного сюда обитателями дома и давно забытого. Ни люди, ни призраки на чердаке не скрывались.

Оставалось одно. Сын, очевидно, ушел из дома, хотя на него это непохоже. Я не мог разгадать причину.

– Стойте здесь, – приказал я младшим детям. Сейчас я понимаю, что следовало бы найти для них хоть слово утешения или ободрения. Но тогда мой разум работал не как положено. В мозгу проносились огненные белые сполохи, которые почти полностью застилали зрение.

Я открыл парадную дверь и выбежал наружу. На востоке едва начал заниматься рассвет. Я принялся за поиски – своего рода магический ритуал, который непременно вернет мне сына. И неважно, что он будет объяснять, если я найду его в

неподобающем месте, скрывающегося от нас и от всего мира. Обыскал каждый дюйм двора, старый амбар, заглянул во все сараи, под навес, за деревья. К тому времени, когда я начал прочесывать лесок по границе участка, проснулись мои родители – то ли их разбудили дети, то ли мои лихорадочные поиски, сопровождаемые постоянным выкрикиванием имени Уэсли. Старики подключились ко мне.

Безрезультатно.

Паника бушевала в моей груди уже на уровне inferнальной. Каждый вдох давался с трудом.

Мой сын пропал. Его похитили. Если бы он ушел по своей воле, взял бы телефон.

Наконец, уже еле ворочая языком, я позвонил в полицию.

Глава 6

Апрель 1989 года

1

Признаю, образ избитый, однако в те дни, после того как я встретил в лесу Коротышку Гаскинса с отрезанной головой у ног, мое небо затянули грозовые тучи. Те же тучи висели и над Андреа. И как бы ярко ни светило солнце, перед глазами постоянно висела пелена, которая омрачала жизнь. Андреа обычно избегала разговоров на эту тему, чему я был только рад. Мы заключили негласный пакт – делать вид, будто ничего не случилось, будто мы никогда не видели того, что видели тогда в лесу. Конечно, весьма легкомысленно, и все же каким-то внутренним чутьем я осознавал – это то, что нам надо: блокировать воспоминания на уровне подсознания.

Разумеется, мы пошли в полицию и все рассказали. Я уловил в глазах копа снисходительную усмешку – вероятно, он решил, что мы в тот день раздобыли пару доз кислоты и интересно провели время в лесу, а затем воображение дорисовало жаркий подростковый секс на трухлявом, изъеденном термитами бревне. Однако полицейским стало не до смеха, когда мы вернулись на место преступления и показали им

кровь и хрящи. Все почувствовали запах разлагающегося человеческого тела. Гаскинс, само собой, исчез, а от его жертвы остались лишь куски обгорелого мяса. Коп, который принял наше заявление, побледнел, как беременная женщина.

Моим родителям было ненавистно все произошедшее – то, что я увидел ужасные вещи, что нас затаскали в полицию, в тысячный раз заставляя пересказывать историю. Андреа пришлось еще тяжелее – ее мама едва не лишилась рассудка и возложила вину на меня, навсегда (как выяснилось, на несколько часов) запретив дочери со мной общаться. К вечеру следующего дня она остыла; мы втроем, обнявшись, плакали в холле Льеренасов и просили прощения друг у друга за то, что не требовало извинений.

Прошло три недели. Коротышку Гаскинса разыскивала вся полиция штата, и пока безрезультатно. Детали расследования скрывали; сообщили только имя жертвы – незнакомый мне Джордж Холлоуэй, – но я был уверен, что дома у Коротышки обнаружались и другие мерзкие находки. Смуглый низкорослый мужчина найдет, где спрятаться, если девяносто пять процентов округа составляют фермы, леса и болота. Почему-то я воображал, что он отсиживается в дупле большого кипариса, который раскинул свои белые корни-щупальца в темных грязных водах, и даже аллигаторы в испуге шарахаются от злобы, источаемой этим человеком.

Единственным лучом света в мрачной атмосфере стали встречи с Андреа в кафетерии аптеки «Рексолл», куда мы по-

сле школы забегали выпить кофе. Кофеин помогал воспрянуть духом, и мы болтали о фильмах, книгах и музыкальных клипах – любых творческих вещах, далеких от нашей повседневности. В тот вечер накрапывал весенний дождь; капли стучали по стеклу огромных окон, выходящих на Мэйн-стрит. Я не сразу заметил, как ввалились глаза Андреа; или она умело маскировала синяки. Однако дождь успокаивал меня, давал выход бурлящим внутри эмоциям, и в тот день я чувствовал себя реально лучше, даже до того, как старая Бетти Джойнер принесла нам кофе.

– Держите, милые, – проворковала добрая женщина, ставя на стойку дымящиеся чашки. Мне тогда шел семнадцатый год, и это говорит само за себя, но клянусь, мисс Бетти на момент моего рождения было лет восемьдесят, и с тех пор она по-прежнему выглядела на восемьдесят. Сколько себя помню, ничуть не изменилась. – За счет заведения. После всего, что вам досталось...

– Вы уже три недели так говорите, – ответила Андреа с вежливой улыбкой. – Мне кажется, давно пора брать с нас деньги.

Мисс Бетти отмахнулась, словно прогоняя муху.

– Чепуха. То, что налито в ваши чашки, стоит Генри всего два цента. Этот скупердяй нипочем не догадается, что я три недели украдкой подаю вам бесплатный кофе. – Она заговорщицки подмигнула, словно на самом деле снабжала нас кокаином или контрабандным оружием. – Только не взду-

майте попросить банановый хлеб и удрать. Выпечка задаром не дается. – Она расхохоталась и ушла прочь, весьма бодро для своего возраста.

Я поднял чашку. Андреа сделала то же самое, и мы молча чокнулись горячим кофе.

– Мировая старуха, – сказал я. – Жаль, она не моя бабушка.

– Мне тоже жаль. – Андреа осторожно отпила глоток. В «Рексолл» чуть теплых напитков не подавали. – Пусть она доживет до ста лет.

– До ста? Да ей вот-вот стукнет сотня!

– Не будь идиотом. В прошлом ноябре Бетти отпраздновала семидесятилетие. Или тебя не приглашали на вечеринку? Там весь город веселился.

Легкий толчок пробудил мою память.

– Ах да! Теперь припоминаю. Похоже, мы пропустили вечеринку, потому что ездили в Клемсон на футбол. – Я сделал глоток кофе, наслаждаясь огненным пьянящим вкусом. – Надо же, всего семьдесят. Готов был поклясться, ей девяносто семь. А то и все девяносто восемь.

Андреа хихикнула, и у меня поднялось настроение.

– У тебя есть планы на выходные?

– Черт! – Я поставил чашку на стойку. – Лисья охота! Ежегодная «Лисья охота Томаса Эдгара»! Спасибо, что напомнила.

Андреа снова засмеялась и похлопала себя по колену, что-

бы дать мне убедиться – ей действительно весело.

– Неужели тебя это возбуждает? Торчать целый вечер среди пьяных мужиков и своры лающих собак! Я тоже хочу! Ну пожалуйста!

Какой сарказм! Можно тупым ножом резать!

– Перестань. Там вовсе не так ужасно.

Правда в том, что я раз в год отлично проводил время на «Лисьей охоте», с тех пор, как однажды отец взял меня с собой и выделил спальное место в насквозь продуваемом бараке, где никто не имел намерений спать. Обычно я был единственным, кто хотя бы пытался. Охота стала для меня самым ярким событием года – и особенно разговоры мужчин, их истории и шутки, срывавшиеся с языка под воздействием пива! Я мог бы написать книгу и заработать миллион долларов, вот только в таком случае город никогда не придет в себя после множества скандалов.

– А женщинам позволяют участвовать в этом смехотворном ритуале? – спросила Андреа.

Я пожал плечами.

– Ни разу не слышал, чтобы запрещали. Намерена пойти?

– Спасибо, не интересуется. Стоит только об этом подумать, и я уже чувствую запах пота и пивной отрыжки. Поберегу свои феминистские устремления для более цивилизованного мероприятия.

– Мудрое решение. Зато Алехандро точно придет. Мы будем держаться вместе.

Александро – мой школьный друг.

Я непроизвольно перегнулся через стол и поцеловал девушку в щеку. Нас связывали, безусловно, странные отношения, омраченные некоей тайной. И кто знает, куда они завели бы, если бы в тот ужасный год Коротышка Гаскинс не перепахал наши жизни.

Спустя несколько глотков кофе и пары минут неловкого, однако не сказать чтобы напряженного, молчания Андреа заговорила, вернув нас в реальность.

– Я видела его во сне прошлой ночью.

Сперва я подумал, она имеет в виду своего отца. Счастье, что вовремя придержал язык, иначе показал бы себя полной сволочью.

– Ого. Так значит... А раньше видела? И что случилось во сне?

Кофеиновая ясность в ее глазах погасла.

– Сон плохой. Реально плохой. – Андреа сделала паузу. Стыдно признаться, однако тогда мое любопытство вспыхнуло как факел. И я не прервал подругу.

– Нет, – продолжила она, – я никогда не видела его во сне раньше. Но прошлая ночь мне отомстила сполна. Я проснулась в своей постели – во сне, не в реальности. В доме было тихо, как в могиле. Неестественно тихо, словно мне кто-то заткнул уши. Я встала с кровати – во сне встала – и вышла из комнаты в коридор. Царила тишина, и двигаться было тяжело, словно я переходила вброд реку, против течения.

Очень темно, и дышать трудно... Я до сих пор это ощущаю. Настолько реалистичные сны мне еще не снились.

– И сон закончился действительно плохо? – спросил я, почти загипнотизированный ее рассказом. Вспомнились посиделки у костра и страшные истории.

– Хуже быть не может. – Андреа театрально расширила глаза, и я чуть не рассмеялся, решив, что она меня разыгрывает. Вместо того я прищурился, стараясь намекнуть, что догадался. – Я избавлю тебя от подробностей. Скажу только, что когда я наконец добралась до маминой комнаты, Коротышка был там. Он склонился над залитой кровью постелью и перепиливал маме шею. Как раз отделил основную кость или сухожилие, голова покатилась и шмякнулась об пол с таким звуком, будто кусок мяса уронили...

Я сглотнул, испытывая уже неподдельный ужас.

– Ты серьезно?

Андреа несколько переменялась в лице.

– Нет, просто дурачусь. Пыталась как-то разрядить обстановку. Глупая идея. Прости.

После того мы почти не разговаривали. Дождь за окном сменился моросью, а затем и вовсе прекратился. И в тот миг, когда проглянуло солнце и залило улицы сверкающими кристаллами дождевых капель, я пришел к выводу, что Андреа все же пересказала реально увиденный сон. А в конце захотела побережь меня, словно я мог взять ее сон и преобразовать в предчувствие.

Мое настроение окончательно испортилось. Я эгоистично сидел и выжидал, пока Андреа не заявила, что ей нужно вернуться домой к ужину. На сей раз *она* поцеловала меня в щеку и буквально метнулась к двери. Звякнул колокольчик – излишне весело, учитывая обстоятельства.

Я поднял руку, чтобы позвать мисс Бетти.

– Можно мне еще чашку кофе? Я заплачу.

2

Трудно поверить, но мероприятие началось как всегда оптимистично, несмотря на мои тягостные предчувствия.

Ежегодная «Лисья охота Томаса Эдгара» – настоящее чудо света, олицетворение старого изречения: «чтобы поверить, нужно испытать самому». Я всегда несколько страшился ночевать в незнакомом месте, потому что принадлежал к типу мальчиков, которые любят спать в своей постели и по утрам принимать душ, чтобы смыть ночной запах. Однако человек, в честь которого назвали мероприятие, мой родственник, и наша семья обязана присутствовать. Не просто должна, а обязана, как любил повторять папа. Хотя вообще-то я знал, что он просто обожал травить и слушать байки.

Почти вторичным по отношению к байкам у костра и совершенно точно вторичным по отношению к пивной части было основное мероприятие – когда собаки преследовали лис на громадном огороженном участке леса на территории

Уиттакера. Целью считалась тренировка охотничьих псов – ведь нужно привести их в форму после долгой зимы, когда охота запрещена. Честно говоря, я подозревал, что это не настоящая цель. Более вероятно, мужчины хотели найти повод вырваться из дома, благо весенняя погода позволяла.

В любом случае мои вечер и ночь обычно делились на четыре части. Начиналось с ужина – ужина, который стоил всех тягот, включая постоянную тоску по дому. Охотники умели зажарить любых животных и птиц, которые бегали по земле и летали по воздуху, да так, что пальчики оближешь. Сейчас я вспоминаю те трапезы, и мне сначала приходят на ум слова – ароматный, с дымком, пикантный... А затем уже добавляются названия гарниров – жареный картофель, кукурузный хлеб, стручковая фасоль, лимская фасоль, тушеная фасоль... похоже, на бобовых охотники несколько помешались... Настоящий праздник живота – однако не сказать, чтобы чувствовался какой-то дискомфорт. Во всяком случае, в маленькую убогую уборную в бараке после ужина очередь не выстраивалась.

Далее следовала активная часть торжества, когда каждый находил себе развлечение по вкусу. Для меня это было безумное катание на заднем сиденье квадроцикла под управлением совершенно отвязного парня по имени Расти Джонсон. Компанию мне обычно составлял Алехандро; мы с ним заключали пари – кто умрет первым. Он прослыл тихоней и, как правило, держался особняком, но мы знали друг друга с

пеленок, а в наших краях это считается дружбой. Пока что никто пари не выиграл.

Чудо, что мы не задавили ни одной собаки и ни одного человека, особенно в ту ночь – Расти задался целью не упустить ни одного решающего момента в процессе гонки собак за лисами. Мои чувства едва справлялись с объемом впечатлений: запах хвои, прелой листвы и перепаханной земли, дующий в лицо ветер, непрерывный лай собак, рев мотора, нервный смех Алехандро на каждом ухабе, деревья и кустарники в призрачном свете фар; масштабы изменялись, и мир, когда мы неслись ему навстречу, сжимался до тех предметов, что видели глаза. А время от времени даже съехавший с катушек Расти останавливался полюбоваться ночным небом и выключал фары, чтобы звезды могли сиять во всю силу.

Из того, что врезалось в память, звезды впечатляли меня больше всего – вплоть до того дня. И хотя из головы не шли мысли о Коротышке Гаскинсе и то ли реальном, то ли придуманном сне Андреа, звезды помогли мне понять: я всего лишь крохотная точка в огромной бесконечной вселенной. Здесь, в укромном уголке, я чувствовал себя в безопасности – жалкая пылинка, до которой нет дела силам зла.

Однако ночь только началась.

3

Третья и четвертая части «Лисьей охоты» обычно не тре-

бовали от гостей особых усилий – сидеть вокруг большого костра, слушать байки мужчин и наконец найти спальное место в огромном бараке, построенном столетия назад кем-то из нашей родни по линии Финчеров. После обильной еды, а потом двухчасовой смертельной гонки, от которой у меня болели пальцы – я крепко держался за решетку радиатора квадроцикла, – и после долгого сидения у огня даже самый стойкий человек устанет как собака. Называйте меня слабаком, однако я клянусь, что был первым, а может, и единственным, кто ковлял в постель уже посреди прохладной ночи.

Примерно в одиннадцать часов я подсуетился, чтобы найти хорошее место у костра, – притащил пластиковый стул и устроился неподалеку от группы мужчин, среди которых был мой отец. Мужчины сидели, скрестив ноги и вытянув руки вдоль подлокотников; банки с пивом свисали из ладоней, но магическим образом не падали. Оранжевые отсветы пламени плясали на лицах, создавая тени, которые жили не больше миллисекунды. А вот глаза у мужчин горели постоянно, словно именно там они отыскивали темы для вечерних разговоров.

Наиболее близким к алкоголю напитком, который мне позволялось пить, было свекольное пиво в разных вариациях, предмет моей ненависти. Потому я взял из холодильника «Маунтин дью», глотнул ледяного нектара и откинулся на спинку стула, готовясь насладиться байками мужчин.

– Помните Диксонят? – спросил Кентукки. Богом клянусь, его действительно звали Кентукки. Он работал на молочной ферме; длинный как жердь, и с уродливой бородой – я такой в жизни не видел. Очень походила на «испанский мох», вот только что хорошо для растения, не слишком красиво для человеческого лица. – Которые жили в районе Шилох-лейн, возле кирпичной церкви?

Сидевший напротив Алехандро поймал мой взгляд и поднял вверх большие пальцы, изображая тупую радость. Он обожал подобные истории, как и я.

– Еще бы! – отозвался мой отец. – Попробуй забыть этих двух олухов! Чудо, что школа стоит на месте после того, как они в ней отучились.

– Слава богу, их папашу уволили, – продолжил мистер Фуллертон, очень высокий и очень умный адвокат. – Вроде потом они перебрались в Чарльстон, нашли работу в порту. И скатертью дорога! Сыновья – те еще оболтусы. Вот уж действительно, яблоко от яблони недалеко падает!

– Тот сукин сын – подлец каких мало, – вмешался очень пожилой мужчина, которого все называли просто Дед. Видно, он был настолько стар, что никто не помнил его имени.

– Точно, – кивнул адвокат Фуллертон. – Если уж Дед так говорит...

Раздались смешки, в том числе и от самого Деда. Я засмеялся чуть громче, чем мне полагалось. Дед покосился в мою сторону; я вжался в стул и на пару минут замер.

– А к чему ты вспомнил тех двух мальчишек? – спросил мой отец.

– Говорите что угодно об их никчемном папаше, – пробубнил Кентукки в свою неопрятную бороду, – но ребята как-то поведали нам одну историю – я дико ржал, чуть челюсть не вывихнул. Они помогали нам на молочной ферме и в обед дали представление, прямо как заправские комики. Вся столовая лежала от хохота. Ей-богу, в жизни не слышал ничего смешнее.

– Не тьяни, рассказывай, – начал торопить его Джимми Один Шар. Я никогда не пытался выяснить, почему его так прозвали, и не уверен, что хотел это знать. Однако он был приятным парнем, моложе остальных мужчин, и работал продавцом в хозяйственном магазине. – А то ночь пройдет.

– А мы никуда не торопимся, – произнес мой отец, вызвав новую волну смешков. Серьезным остался лишь Дед. Он только заерзал на стуле и почесался.

– Ну так вот. – Кентукки выпрямился и потер ладони одна об другую, предвкушая удовольствие. – Не знаю, двойняшки они или нет, но очень уж похожи. Не повезло ребятам, оба пошли в отцовскую породу, а он далеко не красавец. Нос гармошкой, как школьный автобус, а больше и смотреть не на что. Ладно, слушайте дальше. Однажды эти ребята, как они выразились, решили полетать – прыгнуть с пожарной каланчи, с простыней вместо парашюта.

– Чего?.. – одновременно воскликнули несколько человек.

– Дайте дослушать, – проворчал Дед и смачно плюнул себе под ноги. Брызги запачкали рубашку сидящего рядом парня.

Кентукки продолжил, будто его и не прерывали:

– Имена братьев убей не помню – мы всегда называли их Диксонятами, попробуй различи таких похожих. Я окрестил ребят Дурошлеп и Дуролом. Так вот, они вбили в свои тупые головы, что можно связать концы простыни, прыгнуть с ней с каланчи, что возле участка Фуллертон, и приземлиться на кукурузном поле. Как десантники в войну. Но в последнюю секунду, перед тем как забраться на каланчу по гнилой лестнице, Дурошлеп выдвинул идею. Единственный раз в жизни!

– И какую же? – спросил мой отец.

– Генри!

На секунду все затихли. Вопрос подразумевался сам собой.

– Долго же до вас доходит! Генри – это их собака! Братья решили испытать парашют на несчастном щенке!

– Кто, черт возьми, называет пса Генри? – цыкнул Дед. – Назвали бы хоть Хэнком!

– Так вот. – Наигранное замешательство Кентукки никого не ввело в заблуждение; он наслаждался всеобщим вниманием. – Дуролом согласился с Дурошлепом, что идея стоящая; надо все же подстраховаться. Я имею в виду, их шанс был *почти* равен нулю, а «почти» не считается, но *на всякий случай* братья решили сперва отправить в полет Генри. И вот Диксонята начали подъем по винтовой лестнице, круг

за кругом, а она гремела под ногами... И наконец поднялись. Затем они связали два угла простыни... а может, и все четыре... как-то прикрепили к ней Генри и пустили его по ветру.

– Ну ни хрена себе! – Загипнотизированный рассказом, я не заметил, кто подал реплику.

– Я судить не собираюсь, меня там было, – ответил Кентукки. – Просто заткните рты и дайте закончить. – Он глубоко вдохнул; как пить дать, готовился к эффектному завершению рассказа. Однако, когда снова заговорил, то едва удержался от гогота. – Надо ли доказывать, что из старой простыни парашют хреновый? Диксонята говорили, она выглядела как портянка. – Он сделал паузу, чтобы овладеть собой, потому что тело сотрясалось от смеха. – Как портянка! Песик камнем полетел вниз и встретил смерть посреди стеблей кукурузы. И простыня тянулась за ним, как воздушный змей. Потом мать у Диксонят спрашивает – так Генри умер? А они: а то как же, мама, без вариантов!

Я огляделся. Мужчины смеялись вместе с Кентукки, а на лице большинства мальчишек было написано нечто среднее между смущением и ужасом. Алехандро обожал такие минуты.

– С того дня, – подвел итог Кентукки, – если спрашивали Диксонят о полете, они отвечали всегда одно и то же. «Если бы не Генри, сегодня у нас было бы одним Диксоном меньше!» – Он загоготал и затем повторил сквозь смех: – «Сегодня у нас было бы одним Диксоном меньше!»

Кентукки наконец разразился смехом, и я тоже. Наступила кульминация – наблюдать, насколько забавной он счел свою историю. Думаю, пиво тоже внесло свою лепту, однако он буквально свалился со стула, и некоторые другие последовали его примеру, упали и принялись молотить кулаками о пол в приступе хохота. Я ощутил неопишемую радость, видя, как веселятся мужчины, которых я считал суровыми и сдержанными. Алехандро ржал во весь голос. Суматоха продолжалась еще минут пять как минимум, затем снова вспыхивала, стоило кому-либо повторить пресловутую последнюю фразу или, еще лучше, «а то как же, мама, без вариантов». Даже мой отец не устоял. Снова гогот, снова удары кулаками о землю, и так далее по списку.

Вечер удался на славу.

К несчастью, он оставался удачным всего полчаса. Пока не завели разговор о Коротышке Гаскинсе.

4

Разговор начался довольно странно. Как вы можете себе представить, к тому времени пиво лилось рекой.

– Пацан, а ты когда-нибудь был с девушкой?

Потребовалось несколько секунд, чтобы понять – обращаются ко мне. Лишь когда меня толкнули, я поднял глаза.

– А?..

– Я спрашиваю, ты когда-нибудь был с девушкой? – Кен-

тукки! Хорошо, что папа отлучился в уборную, не то он отвесил бы приятелю хорошую затрещину. А может, только посмеялся бы. Честно говоря, не знаю.

– Закрой свою глупую пасть, Тукки! – вмешался мужчина по фамилии Брэнсон, который большую часть вечера помалкивал. – Не видишь, парню всего тринадцать?

– Мне шестнадцать, – поспешно и несколько вызывающе возразил я. Вот оно, одно из немногих преимуществ молодости – право отстаивать свой возраст.

– Мне наплевать, даже если в ноябре ты пойдешь голосовать, – ответил Брэнсон. – Все равно слишком молод, чтобы бегать за женщинами.

Александр грубо расхохотался и показал мне палец.

– Бегать за бабами? – повторил Кентукки. – Слишком молод? Брэнсон, да ты навсегда застрял в пятидесятых! Тяжелый случай.

Все было сказано вполне добродушно, и Брэнсон в ответ лишь продемонстрировал давнему другу некий жест пальцем.

– Разве вам неизвестно, о чем *надо* расспрашивать нашего юного Дэвида?

Я обернулся и увидел почтенного мистера Фуллертона, который вернулся с очередной порцией пива. Мое сердце упало еще до того, как он ответил на свой вопрос.

– Коротышка Гаскинс. – Имя прозвучало как смертный приговор; так в Средние века упоминали чуму, «черную

смерть». – Этот милый юноша видел его и слышал больше любого из нас. Полагаю, самое время перестать вести себя как последние трусы и поговорить о беде, наступившей наш округ.

Мой отец вышел вперед. Я потом думал – а не было ли это запланировано заранее?

– Минутку, Джексон, моему сыну и так досталось.

Мистер Фуллертон поднял руку.

– Эдгар, я уважаю тебя так, как только можно уважать другого мужчину. К тому же ты мой давний друг. Тем не менее разговор назрел. Иначе скоро мы опять найдем тело с отсутствующей головой. Джордж был не самым приятным человеком по эту сторону Аппалачей, однако, когда он будет лежать в гробу, мне бы хотелось видеть его лицо.

– Ладно, а почему шериф Тейлор или его помощники не пришли сюда? – вяло возразил отец.

– Слишком заняты расследованием, как они мне сказали. Короче говоря, послали на хрен. Поэтому нам нужно спросить Дэвида, здесь и сейчас. Он парень умный, крепкий и справится. Ну как, Дэвид?

Я кивнул, не зная, что еще делать. Алехандро выглядел несколько виноватым за то, что подшучивал надо мной еще минуту назад.

Отец скрестил руки и несколько секунд смотрел на огонь. Отсвет пламени в его глазах показался мне отчасти демоническим. Затем он вздохнул, подошел ко мне и, опустившись

на колени, тихо сказал:

– Ты хотел бы говорить об этом, сынок? Ты не обязан. Только намекни, и пойдешь спать, я сам отведу тебя. Однако... – Он замялся и посмотрел себе под ноги. – Порой полезно сбросить камень с души, и, если уж быть откровенным, я считаю, нашей братии не мешало бы услышать некоторую информацию из первых уст. – Он сжал мое колено. – Жаль, что в этой ситуации «первые уста» оказались твоими.

Я улыбнулся. Он тоже, хотя и немного натянуто.

– Я в порядке, папа.

– Тогда с Богом. – Отец встал и обратился к мистеру Фуллертону: – Через двадцать минут мальчик должен лечь в постель. До того он в вашем распоряжении, председатель.

Его реплика вызвала очередную волну тихого смеха, на сей раз не очень веселого. Слишком печален был предмет обсуждения.

Мистер Фуллертон положил руку мне на плечо. Ему пришлось наклониться – как я уже упоминал, адвокат был человеком очень высоким, ростом под потолок.

– Дэвид, я могу поклясться перед Богом, ты парень ответственный. Встань и расскажи нам по поводу случившегося все, что вспомнишь. С самого начала и далее по порядку. А через полчаса ты укроешься одеялом и будешь храпеть, как у Христа за пазухой, – Томми подберет тебе лучшее спальное место в бараке.

Я хотел ответить, что сегодня ночью глаз не сомкну – ка-

кой там сон, когда в голове мерещится Гаскинс во всех видах! – однако воздержался и просто кивнул. Мистер Фуллертон тоже кивнул мне, настолько доверительно, что я вскочил со стула, едва не лопнув от гордости. Чувствуя себя, как Александр Гамильтон перед первым Конгрессом, я обратился к толпе взрослых мужчин и случайно затесавшимся в нее немногим юнцам:

– В общем, три недели назад мы с Андреа пошли на прогулку в лес – ну, вы знаете, вдоль старой железной дороги – и наткнулись на Коротышку Гаскинса.

– На сукиного сына, – пробормотал Дед.

– Да, сэр, на сукиного сына. Уже стемнело, и видно было плохо, но он пыхтел, тяжело дышал и совершенно точно что-то отпиливал. И кровь определенно была. Когда он нас заметил, мы побежали. К счастью, он не бросился в погоню. Однако Андреа увидела, – тут мой голос чуть-чуть поплыл, – увидела голову. Она валялась на земле, как булыжник.

Один из мальчишек, по имени Фентон, округлил глаза, так что они стали размером с Луну. Я продолжил:

– Мы отправились прямо к шерифу. Копы позвонили родителям и не позволяли говорить, пока они не пришли. Мы рассказали все, что я сейчас рассказываю вам. Ну, то есть вот это все: Коротышка Гаскинс, кровь и чья-то отрезанная голова. – Я пожал плечами, будто мы всего лишь споткнулись на дороге о мертвого опоссума. Хотя от воспоминаний о том вечере мне стало здорово не по себе, грудь сдавило.

– Что происходило дальше? – спросил мистер Фуллертон.

– Шериф Тейлор велел показать им место преступления.

Мой отец и мать Андреа нас сопровождали. К тому времени, когда мы пришли на место, Коротышки и след простыл, тело также исчезло. И... голова. Копы включили фонари, – я вздрогнул; воспоминания о красных пятнах в ярком свете будут преследовать меня вечно, – нашли на траве сгустки крови и... типа обрезков мяса. Ничего больше.

Меня замутило. Мистер Фуллертон кивнул с каменным лицом; выучка адвоката его не подвела. Большинство присутствующих опустили глаза, словно устыдившись, что заставили меня пересказывать жуткую историю. Никто не произнес ни слова, и я сделал вывод, что нужно продолжать.

– Копы позволили моему папе отвести нас домой и попросили явиться утром для дачи показаний. Мы явились. Провели в участке три или четыре часа, снова и снова повторяя одно и то же. Нам больше нечего было сказать. Мы точно видели Гаскинса, и он точно отрубил голову Джорджу. Вот и все. – Меня больше не тошнило; я просто чувствовал себя по-дурацки. Как будто разочаровал всех, не сообщив никакой новой информации. – Клянусь, мне в самом деле больше ничего не известно.

– Пропали еще два человека, – объявил мистер Фуллертон. Хотя об этом все и так знали. – Глория Переш из булочной и Тинк, он работал в мотеле. Кто-нибудь видел или слышал, как этих людей уводят, где их прячут?

Все затрясли головами.

Мистер Фуллертон горестно кивнул.

– Сдается мне, что Гаскинс убил как минимум троих. Вероятно, он хранит головы в качестве трофеев.

– Стоп, – громко произнес мой отец и взял мою руку. – Всем, кому не исполнился двадцать один год, пора баиньки. Идем. – От меня не укрылся враждебный взгляд, которым он удостоил верзилу-адвоката. – На «Лисьей охоте» гостям ничего не угрожает, обещаю тебе.

Пять минут спустя я лежал на верхней койке, натянув одеяло до подбородка, и смотрел в потолок. В голове вертелась одна мысль: а ведь мама на «Лисьей охоте» не присутствует. Конечно, дробовик у нее есть, двери заперты, и сама она не из пугливых. И все же...

Как мы могли оставить ее одну при таких обстоятельствах?

5

Не знаю, что разбудило меня поздно ночью, в самый «ведьмин час». Возможно, храп Алехандро – тот приковылял чуть позже меня и мертвым сном уснул на нижней койке. Возможно, гогот пьяных мужчин, которые никак не желали уgomониться. Собаки лаяли беспрестанно, и на них обращали внимания не больше, чем на фоновую музыку; однако вдруг какая-то псина растявкалаcь громче остальных?

Или я обрел шестое чувство?

Потому что, открыв глаза, я точно знал – в моей комнате человек.

Я весь похолодел, хотя сердце заколотилось как бешеное. В дальнем углу стояла тень – точнее, силуэт, темная фигура; стояла без движения, и, если бы стена позади не была окрашена белой краской, я ничего не заметил бы. Я не пошевелился, разве что чуть повернулся на бок – темнота наверняка скроет тот факт, что я уже не сплю. Человек не двигался – стоял, как охотник на демонов на посту, ждущий возвращения самого дьявола. Могу сказать честно: я испугался в десять раз сильнее, чем в ту минуту, когда чертов Коротышка Гаскинс у меня на глазах отпиливал человеку голову.

Я почти закрыл глаза, чтобы не выдать себя, и постарался успокоить дыхание. Сердце и легкие надрывались, как перегруженный мотор. Я дышал через нос и рот, чтобы облегчить им работу и не сопеть на выдохе. И сквозь щелочки век смотрел на визитера.

Совершенно точно мужчина; вероятность того, что это статуя или фигура из картона, быстро улетучилась – тень покачивалась, хотя и едва заметно. Мужчина был невысок и худощав, и ничуть не походил на монстра, каким воображал его мой разум – он выглядел совершенно нормально, как любой другой человек, находящийся в темной комнате без видимой причины. Лысый или почти лысый и немного сутулый. Я не видел его лица, но интуиция подсказывала, что он

на меня смотрит. И ждет чего-то. Вот только чего?

Мужчина шагнул вперед. Половицы заскрипели.

Мне пришлось собрать всю свою силу воли, чтобы не закричать. Он сделал еще шаг, остановился и снова вытянулся в струнку, теперь футах в четырех ближе ко мне. Я зажмурился, как ребенок, – вот сейчас открою глаза и монстр исчезнет. Чуть приподнял веки. Мое глупое желание не сбылось. Мысли заметались; мозг отчаянно старался найти объяснение визиту незнакомца.

Любой разумный человек уже пришел бы к логичному выводу и понял, кто явился в мою комнату, в уединенный барак посреди леса. Однако мой мозг не мог мыслить рационально, он все еще болтался где-то между реальностью и ночным кошмаром. Казалось притянутым за уши, что Коротышка Гаскинс стоит у постели одного из двух подростков, ставших свидетелями его гнусного злодеяния. И как он сумел миновать собак и охотников вокруг дома? Должно быть, мужчину впустил отец. Так оно и есть. Отец послал кого-то проверить, в порядке ли я, обеспокоенный моим состоянием после пережитого. Я начал перебирать друзей отца, пытаюсь сопоставить рост и фигуру незнакомца с каждым из них...

Мужчина приблизился еще на шаг.

Клянусь, мое сердце остановилось и на бесконечный миг замерло. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, пребывая в шоке, который до того считал невозможным. Мужчина стоял уже на расстоянии вытянутой руки и смотрел мне в ли-

цо; его глаза находились на уровне верхней койки. На уровне моих сощуренных век. Теперь я слышал его дыхание, пугающе ровное и спокойное – словно лев отдыхает после охоты, положив лапу на окровавленную добычу. Слушая, как воздух входит в его легкие и со свистом покидает их, я сделал два убийственных открытия.

Во-первых, наконец признался себе – человек в моей комнате однозначно Коротышка Гаскинс. Просто мой мозг первоначально отверг этот вариант. Однако облик преступника, которого я видел в лесу, идеально соответствовал силуэту стоявшего сейчас передо мной человека.

Довольно обманывать себя – Гаскинс прекрасно понимает, что я не сплю и тоже смотрю на него. Я застыл от ужаса, буквально не в силах даже пошевелиться. И вдруг неожиданно для себя всхлипнул и выпалил:

– Они знают, что ты здесь!

Если мои слова и застали убийцу врасплох, он совершенно не подал виду. Тень не шелохнулась, дыхание оставалось таким же размеренным.

– Ты в ловушке, – продолжил я. – Они вот-вот придут сюда.

Теперь, вспоминая, я поражаюсь собственной храбрости. Впрочем, на Гаскинса она эффекта не произвела. Прошла как минимум минута, каждая секунда которой длилась вечность – словно волна медленно катилась на берег от самого горизонта, – а он не сдвинулся с места и не заговорил. Нако-

нец, этот жуткий монстр, сам демон во плоти, заговорил:

– Я скажу им, что это сделал ты.

Слова повергли меня в ужас. Я ожидал чего угодно, только не этого. Например: «Я пришел увести тебя с собой, увести тебя с собой». Или: «Я пришел забрать твою-у ду-у-ушу».

Но что значит «Я скажу им, что это сделал ты»?

– Что именно я сделал? – промямлил я.

Коротышка шагнул вперед. Половицы зловеще скрипнули. Гаскинс наклонился. Если бы он сейчас чихнул, то наверняка заразил бы меня своим вирусом.

– Я сейчас скажу им, что это сделал ты, – лихорадочным шепотом проговорил он, – что ты умолял меня убить твоего друга вместо тебя.

Дрожь пронзила меня с головы до пят. Словно волна пронеслась по телу, буквально лишив дара речи. Я отполз назад, пока не уперся в стену, и натянул одеяло до подбородка, словно оно могло защитить меня. Я был не в силах даже просить пощады.

– Как его зовут? – почти ласково поинтересовался Коротышка, указывая на мирно посапывающего на нижней койке Алехандро.

В ответ я только затряс головой. Грудь сдавило от нехватки кислорода.

– Назови его имя. Назови его имя, не то я убью вас обоих. Я снова затряс головой.

– Я жду! – Даже произнесенная шепотом, команда больше

напоминала звериный рык.

Ужас развязал мне язык.

– Алехандро.

– Алехандро, – повторил Гаскинс, словно пробуя имя на вкус. – А теперь проваливай. – Он отступил на шаг и мотнул головой в направлении двери.

Вместо того чтобы подчиниться и немедленно выполнить приказ, я прохрипел:

– Пожалуйста, не трогай его!

Его следующие слова вновь удивили меня.

– Ты видел меня в лесу. Ты и девчонка. Не вздумай отпираться.

Я кивнул, не зная, какого ответа он ждет.

– Как ты думаешь, стоит тебя сейчас убивать? – проговорил он. – Ты уже все выложил. Ничего, меня не найдут, пацан. Меня даже не смогут увидеть, если я сам не захочу показаться на глаза. Можешь болтать что угодно. Полиции, всем остальным... Однако тебе не простят то, что ты умолял меня убить... – Он указал на нижнюю койку. – Что ты умолял меня убить Алехандро. Теперь проваливай, пацан. Не заставляй меня повторять дважды. Иначе мой нож вырежет на твоём лице улыбку. Красную улыбку, которая никогда не сменится скорбной гримасой.

Глаза наконец привыкли к темноте. Или Гаскинс сдвинулся ближе к окну, откуда сочился жидкий свет. В любом случае теперь я рассмотрел его лучше. Рассмотрел оспины на

лице, увидел глаза, пылающие ненавистью и еще каким-то потусторонним огнем. Я уже упоминал низкий рост убийцы, однако в тот момент он казался мне выше потолка, как бы странно это ни звучало. Гигантский монстр, пришедший из сказок.

Он втянул в себя воздух, чтобы снова заговорить. Я поспешно перекинул ноги через край койки. Он успокоился. Я сполз вниз на животе. Когда ступни коснулись пола, меня окатила новая волна ужаса – я стоял спиной к убийце! Тело покрылось мурашками. Я повернулся к Гаскинсу лицом. Не из храбрости – это был целиком и полностью акт трусости.

– Слушай меня, пацан. Вали отсюда и в ближайшие полчаса не возвращайся. Если вздумаешь кому-нибудь рассказать, до рассвета я убью твою мать.

Я тешил себя мыслью, что хоть немного, но помедлил. Что какой-то момент сопротивлялся. На самом же деле, прежде чем Коротышка успел сказать что-либо еще, я бросился к выходу. Позади раздалось шарканье, сдавленный стон; затем словно что-то шмякнулось. Эти звуки доньше проигрываются у меня в голове, стоит только остаться одному в темном и в тихом месте.

Я так и не вернулся в барак и никого не позвал на помощь, пока не понял: прошло уже достаточно времени, чтобы Коротышка успел убить Алехандро.

Достаточно времени, чтобы отрезать ему голову.

Глава 7

Июль 2017 года

1

Будь я поэтом, я описал бы свою жизнь как юдоль мрака: грозовые тучи вверху, острые скалы внизу; я мерзну, волосы промокли, ноги стерты в кровь. (Разумеется, в метафорическом смысле; впрочем, время от времени я чувствовал все это буквально.) Однако я не переставал двигаться вперед. Сквозь тучи всегда просвечивала искра надежды, которая облегчала путь, давала возможность справиться с невзгодами. В юности у меня были родители, братья и сестры, друзья. А после смерти жены в самые тяжелые дни меня поддерживали дети и Андреа.

Надежда была всегда. Всегда на горизонте брезжил свет, даже посреди сплошного мрака.

Пока однажды ночью не исчез мой сын.

После звонка в полицию, сделанного на грани умопомешательства, я погрузился в пучину отчаяния, которую вряд ли смогу описать. Масса телефонных звонков, объявлений о пропаже человека для прессы и полиции, поисковые группы из родных, друзей и совершенно незнакомых людей, слезы...

Все это окутывала завеса горя и страха, и я почти не воспринимал окружающий мир.

Жизнь не двигалась более по прямой линии, а петляла по искривленной траектории. Словно бесконечные секунды подъема на американских горках: затянувшееся ожидание верхней точки и затем прыжка в неизведанные глубины.

Каждая секунда длилась вечность; постоянный страх узнать плохие новости навис у нас над головами, и я желал, чтобы мир остановился прежде, чем кто-то принесет мне известие, которое раз и навсегда меня уничтожит. Этот страх плюс стремление найти сына как можно скорее запутало мои отношения со временем, и я буквально сходил с ума. Я не спал и даже едва мог заставить себя присесть.

Мы искали. А что еще оставалось? Мои родители, тетя Эвелин, дядя Джефф, их дети, и целая армия местных жителей. Мы искали.

Время потеряло смысл. Восход и заход солнца перестали для меня существовать; дневной мрак ничем не отличался от ночного. Не стало ни секунд, ни минут, ни часов. Только вязкая трясина под названием «прямо сейчас», вселенная, замершая в подвешенном состоянии, наполненная страхом и тревогой. Ведь что такое прошлое, настоящее и будущее, если пропал сын?

Я не знал, как поступить с младшими детьми. Лгать и все-таки вселять тщетные надежды я не мог. Несмотря на протесты родителей, я рассказывал им все, не отпускал от себя, позво-

лял слушать все переговоры и наравне с другими участвовать в поисках. Вдруг это поможет хоть немного сохранить нормальную психику, и им, и мне? Я осознавал, что отчасти лишаю их детской наивности, которую уже нельзя будет вернуть, – даже крошке Логану. Однако этот выбор казался единственно приемлемым.

На третий день после исчезновения Уэсли я шагал через кукурузное поле Фриерсонов. Изумрудно-зеленые стебли доставали почти до плеч. Солнце поднималось в зенит и припекало шею, напоминая, что гигантский огненный шар в девяноста миллионах миль от нас действительно существует. Мне было наплевать, если оно превратится в суперновую звезду – или что там делают небесные тела, когда умирают, – и заберет с собой всех нас, погубит в своем огненном великолепии. И это еще одна из наиболее веселых мыслей, посетивших меня в то утро.

Ближе всех ко мне в шеренге шагала Хейзел. Она тянула шею, оглядывая со всех сторон каждый стебель кукурузы, словно Уэсли и правда мог за ним спрятаться. Ее трогательная старательность едва не разбила то, что осталось от моего сердца. Девочка любила брата и жутко скучала по нему, и я знал – ее юный мозг обрабатывал информацию совсем не так, как мой. Я этого не понимал и не притворялся, что понимаю, однако что-то подсказывало: дочь всерьез ожидает, что Уэсли в любой момент может выскочить и прокричать «Ау!». Она держалась за надежду, о которой я уже и не меч-

тал.

Я решил что-нибудь сказать и уже открыл рот. Однако в последние два дня любое слово, обращенное к детям, стало рутинной, бесплодной попыткой изобразить чувства, которых я не испытывал. На глаза навернулись слезы, и я поспешно наклонился к дочери и погладил ее по голове, выжав из себя ободряющую улыбку. Что еще я мог сделать? Мы продолжали идти. В воздухе непрерывным саундтреком разносились крики «Уэсли! Уэсли!». Я уже совершенно охрип и не мог произнести ни звука.

– Папа? – окликнула Хейзел.

Я повернулся, чуть-чуть успокоенный ее голосом и радуясь, что дочь, в отличие от меня, может говорить.

– Да, милая?

– Да нет, ничего, – сказала она, снова погружившись в задумчивость. – Я хотела спросить, в норме ли ты, вот только сама знаю, что нет. А значит, глупо спрашивать.

– Я стараюсь, милая. И я буду в норме, пока ты рядом.

Вы можете подумать, я имел в виду не совсем то. Но эта маленькая девочка действительно была нужна мне как воздух. И после двух дней отчаяния я начал понимать это как никогда. Волна невыносимой любви захлестнула меня, и я заплакал, как ребенок.

– Папочка! – Хейзел бросилась ко мне и раскинула руки. Я опустился на колени и прижал ее к себе, стиснув так, что ребра едва не хрустнули. И она не проявила недовольство,

а попыталась ответить таким же крепким объятием. Солнце висело прямо над головами, и наши тени на миг почти исчезли.

– Мы найдем его, – сказала Хейзел, снова выглядя умной не по годам. – Мы найдем его живым и здоровым. Вот увидишь. Может, он просто заблудился.

Не в силах вымолвить ни слова, я кивнул сквозь слезы и двинулся вперед.

2

Мы ничего не обнаружили ни на том кукурузном поле, ни в окаймляющем его лесном массиве, ни на болоте, окружающем лес. До нас донеслись крики других групп – под началом Джеффа и Эвелин, под началом старых друзей, под началом полицейских. И все они сообщали одно и то же.

Ничего.

Ничего.

Никто не мог найти моего мальчика.

3

У меня не сохранились воспоминания о третьих сутках. Утро, день и вечер вполне могли бы поменяться местами; я ничего не заметил бы и не счел это в высшей степени

необычным. Какое-то время солнце висело по одну сторону неба, а какое-то по другую. Я помню только момент, когда оно стояло в зените. И потому испытал полный шок, когда мама подошла ко мне и сказала:

– Пришло время ужина.

Мы стояли на краю плантации соевых бобов, только что прочесав болотистый участок леса по другую сторону дороги. Моя одежда пропиталась потом, тиной и грязью.

– Надо же. Почти стемнело, – пробормотал я.

Мама кивнула, явно приободрившись от того, что услышала ответ – я почти целый день всех игнорировал.

– Мы слишком далеко от дома, чтобы приготовить нормальную еду. Давайте зайдем в «Компас», посидим.

Я замотал головой, не дав ей договорить.

– Мама, ни в коем случае. Мы должны использовать остаток светового дня, чтобы... – Я запнулся, не зная, как продолжить, и указал в случайном направлении, в сторону фермы с огромным зернохранилищем, построенным в экостиле, в угоду последним тенденциям, и без отверстий в крыше. – Может, он споткнулся и угодил в канаву? Кто-нибудь знает, кому принадлежит вон та ферма?

Мама подошла ближе и коснулась моего плеча.

– Сынок...

– Мама, всегда трудно...

Она сжала плечо сильнее.

– Сынок...

Озадаченный маминым тоном, я посмотрел ей в глаза. Взгляд был упрям, почти как мой.

– Сейчас мы пойдем и как следует поужинаем. Детям нужно поесть. Мне нужно поесть. И тебе, черт возьми, нужно поесть.

Мама никогда не ругалась, и я опять чуть не расплакался. Грудь сдавили спазмы.

– Иди сюда. – Она обняла меня и тут же отпустила, точно так же, как чуть раньше мы с Хейзел. Я всхлипнул и уронил слезинку ей на плечо. Мама зашептала – любящим голосом, который я всегда недооценивал:

– Ты совсем измучился, Дэвид. Мы все измучились. Мы прочесывали лес до потери сил. Поиск продолжают другие. А твоим детям нужна нормальная обстановка, например семейный ужин. Не говоря уже о том, что всем нам требуется добрая порция еды. Ведь мы можем отдохнуть часок? Идем в «Компас», закажем морепродукты. Дженни, скорее всего, даже денег с нас не возьмет. Идем же!

– Но Уэсли... Как можно сидеть и поглощать вкусную пищу, не зная, что с ним? Вдруг он ранен, или... – Я не смог закончить фразу. А если бы и смог, все равно не закончил бы. – Как мы можем так с ним поступить?

– Он хотел бы знать, что мы сыты. Потому что он нас любит.

Мама взяла меня за руку и улыбнулась сквозь слезы. Я понимал, что она тоже встревожена и измучена и что она

сильнее меня. Я вытер глаза и кивнул.

– Хорошо. Один час. А затем продолжим поиски.

Мама со вздохом согласилась с моим условием.

4

Действительно, Дженни и слышать не захотела об оплате. Едва мы вошли, эта почтенная матрона неопределенного возраста бросилась к нам с объятиями и заохала. Она посадила нас за большой стол в глубине зала и настояла, что подаст ужин за счет заведения. Ее муж Эд как раз в этот момент участвовал в поисках.

Я набрал закусок, чувствуя укор совести всякий раз, когда клал в тарелку очередной сочный деликатес – Уэсли любил это кафе, и мы посещали его как минимум дважды в каждый приезд к бабушке. Усевшись за стол, снова подумал, как в ночь исчезновения Уэсли я ходил во сне и проснулся среди деревьев. До сих пор я никому не признался в этом и в душе уверял себя, что два события абсолютно не связаны. Причем смутно ощущал, что нечто подобное уже случилось со мной в юности.

– Лучшие на свете креветки, – объявила Хейзел, указывая на доску с меню. – Хотя я их вообще-то не люблю. – Она выбрала одну из самых сочных, обмакнула в коктейльный соус и, причмокнув от удовольствия, принялась жевать.

– Тогда откуда ты знаешь, что они лучшие на свете? – ис-

кренне недоумевая, спросил Мейсон.

– Что ты имеешь в виду?

– Раз ты не любишь креветки, значит, ты не так часто их ешь. И откуда тебе знать, что именно эти креветки лучшие на свете?

– Глупый мальчик, – изрекла Хейзел с непререкаемой уверенностью. – Это всего лишь фигура речи. На самом деле я их очень люблю.

– Я тоже считаю, что они лучшие на свете, – внесла свою лепту мама. – А я не была нигде дальше Флориды.

Шутка влетела Мейсону в одно ухо и тут же вылетела в другое, а вот Хейзел захихикала, одновременно запихивая в рот две креветки. И хотя меня задело, пусть совсем немного, что близкие ведут себя, как будто ничего не случилось, я понимал – альтернатива намного хуже. Что делать, если они расклеятся подобно мне? А мои родители держались ради внуков, хотя отец, несчастный и опустошенный как никогда, уже не мог скрыть отчаяние. Я чувствовал себя так же, однако ел и улыбался, изо всех сил стараясь больше не плакать.

– Что такое креветки? – спросил Логан. Малыш не ел ничего, кроме куриного мяса. Вот и сейчас ухватил в обе руки по кусочку жареного цыпленка, уже испачкав пальцы, и жевал с открытым ртом.

– Это типа рыбы, – ответил Мейсон.

– Рыбы? – удивилась Хейзел. – На рыбу совсем непохоже.

– Ну как же, – вмешалась мама. – И рыбы, и креветки жи-

вут в океане. Не путай брата.

Но Хейзел было не так легко переубедить.

– Бабушка, и тигр, и змея живут в джунглях, но они не одно и то же.

От столь оригинальной трактовки мама уронила челюсть, а затем тихо засмеялась.

– С тобой не поспоришь.

Хейзел повернулась к Мейсону.

– Креветки относятся к ракообразным, которые обитают в различных водоемах и дышат жабрами... – Она запнулась, сообразив, что должна была остановиться на слове «ракообразные».

– Ха! – выкрикнул Мейсон. – Жабрами – значит, рыбы!

Хейзел категорично потрянула головой.

– Нет, это совершенно различные типы живых существ!

– Живут в водоемах, дышат жабрами и не рыбы? – Мейсон выбросил вперед руку, как будто плыл. – А кто же тогда рыбы?

Глаза Хейзел вспыхнули: она придумала идеальную ответную реплику.

– Ты еще скажи, что морской конек – то же самое, что обычный конь! И что на обоих можно сесть верхом и покататься вокруг фермы!

Я с удивлением обнаружил, что откинулся на спинку стула и наслаждаюсь пикировкой детей – а ведь еще пару минут назад было не до того. Не буду преувеличивать – улыбка на

моем лице не расцвела, однако я больше не хмурился.

– А как насчет тигровых акул? – спросил я, исключительно чтобы продолжить тему. – У них есть полоски? Не могу вспомнить. Они относятся к рыбам или к кошкам?

– Полагаю, они относятся к семейству китовых, то есть морских млекопитающих, – сообщила мама. Настолько неожиданно, что я рассмеялся, совершенно инстинктивно. Все на меня посмотрели – словно я вздумал напеть какую-нибудь джазовую мелодию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.